

Александр Шевцов

ЗАПИСКИ
О СПОСОБНОСТЯХ

Александр Шевцов
Записки о способностях

«Издательство Роща»

2011-2022

Шевцов А. А.

Записки о способностях / А. А. Шевцов — «Издательство Роцца»,
2011-2022

ISBN 978-5-902599-48-7

Моя задача – познать себя. Для этого мне нужно понять, что такое моя душа. Прямое наблюдение за душой весьма затруднено. И даже те, кто утверждает, что выходил из тела и путешествовал душой, допускают изрядное количество противоречий и сомнительных высказываний. Мне доводилось выходить из тела, но это малоизученное состояние слишком коварно, чтобы ему доверять. Поэтому я предпочитаю сначала исчерпать все возможности прямого и опосредованного наблюдения, приемы которого далеко не исчерпаны. Душа проявляется через поведение. Но еще ярче она видна в наших чувствах и способностях. Поведение, мышление и разум я уже рассматривал. Теперь на очереди способности. Они, конечно, отстают от души несколько дальше, чем чувства. Но я предпочту начать именно с них, чтобы последовательно идти культурно-историческим путем, постепенно убирая помехи, которые не дают видеть душу прямо.

ISBN 978-5-902599-48-7

© Шевцов А. А., 2011-2022
© Издательство Роцца, 2011-2022

Содержание

Предисловие	6
Раздел Первый	7
Исходные понятия	7
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Заключение	16
Современная психология способностей	18
Слой первый	19
Глава 1	19
Глава 2	22
Глава 3	24
Глава 4	26
Глава 5	29
Глава 6	32
Глава 7	35
Глава 8	38
Глава 9	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Шевцов

Записки о способностях

© А. Шевцов, 2011-2022

© Издательство «Роща», оформление 2011-2022

Издательство «Роща»
г. Иваново, пр. Ленина 17, а/я 11
izdatelstvo.roscha@yandex.ru
roscha.store

Предисловие

Моя задача – познать себя. Для этого мне нужно понять, что такое моя душа. Прямое наблюдение за душой весьма затруднено. И даже те, кто утверждает, что выходил из тела и путешествовал душой, допускают изрядное количество противоречий и сомнительных высказываний.

Мне доводилось выходить из тела, но это малоизученное состояние слишком коварно, чтобы ему доверять. Поэтому я предпочитаю сначала исчерпать все возможности прямого и опосредованного наблюдения, приемы которого далеко не исчерпаны. Душа проявляется через поведение. Но еще ярче она видна в наших чувствах и способностях.

Поведение, мышление и разум я уже рассматривал. Теперь на очереди способности. Они, конечно, отстоят от души несколько дальше, чем чувства. Но я предпочту начать именно с них, чтобы последовательно идти культурно-историческим путем, постепенно убирая помехи, которые не дают видеть душу прямо.

Способности наши чрезвычайно сложны и, как это ни странно, довольно плохо изучены. Поэтому я намерен начать с того, что говорит о способностях наука. А затем попробую сделать собственное исследование, в котором буду опираться на знания народной психологии, с которыми познакомился у мазыков – потомков владимирских офеней, у которых вел этнографические сборы в восьмидесятых годах прошлого века.

К сожалению, прямых записей того, что они говорили о способностях, у меня не сохранилось, а память подводит. Поэтому придется думать и рассуждать.

Раздел Первый

Наука о способностях

Исходные понятия

Основное понятие, которое необходимо для исследования способностей, конечно, сами способности. Хорошо бы иметь хотя бы простое и понятное определение того, что это такое. Некий воплощенный в слове образ, соответствующий действительности. Выглядит это мое заявление, вероятно, весьма странно, однако, когда подойдет время определений, все станет еще хуже...

При всей обычности понятия способностей, при всей привычности и безошибочности использования этого имени в речи, понятие это не выведено и не определено. А все попытки сделать это кажутся не просто смешными, а в каком-то смысле ужасающими! Очевидно, что мы столкнулись с чем-то слишком простым и понятным, настолько понятным, что не в силах отстраниться и взглянуть на это явление со стороны, чтобы описать его.

Такое бывает, когда нечто слишком глубоко погружено в самую мою природу. Дать определение Я, как и всему, что прямо к Я относится, невероятно сложно. Но уже из этого примера можно вывести, что способности – это нечто, прямо относящееся к нашей природе, точнее, составляющее ее. Вот только вопрос: как часть или как свойство? Или же это всего лишь способ ее описывать?

Второе понятие, без которого работа моя будет бессмысленна, – это «раскрытие способностей». Эта книга пишется как часть прикладной культурно-исторической психологии. Значит, кроме теории, то есть описания явления, что уже даст определенное самопознание, я должен найти возможность для прикладной работы над собой, скажем, в ключе самосовершенствования.

Что такое «раскрытие»? Можно ли раскрывать то, чего нет? Или пока еще нет? И если оно появляется после раскрытия, то значит ли это, что его не было? Или же оно всегда было, но было скрыто? Иначе говоря, раскрытие лишь явило и сделало живым то, что всегда жило в моей природе?

Думаю, что из сказанного с очевидностью вытекает, что все это бессмысленно, если не понять, что такое эта самая природа, которая содержит семена способностей. Иначе говоря, о какой именно природе человека должна идти речь в исследовании, посвященном способностям.

Это не всё. Но даже этих трех огромных понятий хватит, чтобы исследование либо не началось, либо состоялось, если они будут хоть приблизительно определены.

Начать придется с того, что отложилось в русском языке.

Глава 1

Языковедческое определение способностей

Прежде чем писать что-то о способностях, нужно составить себе хотя бы самое общее представление о том, что собираешься исследовать. Вполне естественно, что какое-то понятие о способностях у меня уже есть, и чтобы его выявить, я хочу посмотреть, что говорит о способностях русский язык. Поэтому начну со словарей русского языка.

Поскольку я современный человек, мое понятие должно соответствовать современным понятиям русского языка. Начну с современности. Впрочем, это не так просто. «Большой толковый словарь правильной русской речи» Л.Скворцова в 2006 году способностей просто не знает... То ли они не правильные, то ли языковед оказался не в силах дать им определение.

Зато надежные Ожегов и Шведова в том же году различают два понятия о способностях:

Способность. 1. Природная одаренность, талантливость. Человек с большими способностями. Умственные способности. Способности к музыке. 2. *Умение, а также возможность производить какие-нибудь действия.* Способность двигаться. Пропускная способность железных дорог. Покупательная способность денег.

Это определение самого Ожегова, сделанное еще более полувека назад. Очевидно, что второе понятие не относится к предмету моего поиска. Ни пропускная, ни покупательная способность не могут быть способностями, которые я могу в себе раскрывать.

И вообще, это с очевидностью неверное использование слова. Точнее, вторичное, выросшее из основного с нарушением самой сути понятия. Но при этом оно отражает нечто важное для понимания способностей. В данном случае, явно подменен деятель, им из человека стали какие-то вещи, как если бы они обладали Я и способностью действовать. Или двигаться. А это значит, что вещам или системам приписана некая душа...

Однако исходное понятие о способности таится за первым определением: *природная одаренность, талантливость.*

Начну с того, что талантливость тут не к месту. Это попытка передать то же русское понятие «одаренность» *красивше*, то есть на ненашенском языке. Так, конечно, удобнее скрывать непонимание. А вот наши слова коварны, их любой русский понимает и может задать вопрос. Например: если способность – это одаренность, значит, она дар? А если дар, то чей?

И становится ясно, что либо придется принять старинное мифологическое объяснение, что дары людям делают Боги, в крайнем случае, Судьба, но именно с большой буквы, как некая Сущность, определяющая нашу жизнь. Либо надо будет признать, что это устаревший способ говорить, и тогда придется сказать, а как об этом надо говорить сегодня. А сегодня говорить надо естественнонаучно.

Соответствует ли естественнонаучному мировоззрению перевод древнего понятия дара на простионаучный «талант», я не знаю. Но если это так, то выглядит бедно и разрушает веру в естественную науку...

В 1988 году Словарь русского языка Евгеньевой давал такое определение:

Способность. 1. Возможность осуществлять какую-либо деятельность, умение делать что-либо, вести себя каким-либо образом и т. п... Мыслительные способности. Способность к размножению. Способность двигаться. // Свойство или состояние, дающее возможность осуществлять что-либо. Пропускная способность... 2. Индивидуальные особенности личности, обуславливающие предрасположенность к осуществлению какого-либо вида деятельности. Музыкальные способности. Способности к математике

Любопытно запутанное определение. Мыслительные способности оказались возможностью осуществлять какую-либо деятельность или вести себя... А музыкальные и математические оказались индивидуальными отличиями личности.

Иначе говоря, последнее высказывание вообще не относится к способностям, оно лишь использует способности, чтобы дать определение личности. Это заимствование из нашей академической психологии, которая именно так обошла необходимость давать определение способностям, подсунув вместо них личность с ее особенностями. Об этом я расскажу чуть позже.

При этом наша психология однозначно заявила устами главного теоретика способностей Теплова: способности ни в коем случае не сводимы к умениям или знаниям, просто потому, что

знания и умения обретаются благодаря способностям. Способности – это то, что предшествует умениям. И это принимается как очевидность.

Такая же, как и то, что возможность не есть способность. Возможность мыслить есть у всех, но много ли из нас таких, кто способен стать мыслителями?

Кроме того, приведенные примеры явно говорят о том, что способности различаются по своей природе: способность размножаться и мыслительные или математические способности – очень разные вещи. Способность размножаться – это свойство моего тела. И я, кстати, не могу ее улучшать. Разве что ухудшу, если поврежу тело. А вот остальное – это предмет приложения усилий. И предмет выбора...

Первым из советских словарей был Толковый словарь русского языка Ушакова, который в 1940 году давал такое определение:

Способность. 1. Природное дарование, склонность к усвоению чего-нибудь, к занятиям чем-нибудь. 2. Возможность, умение что-нибудь делать. // Возможность, умение переживать и действовать в той или иной области психической жизни, свойственная живому существу (псих.). Душевные способности (воля, чувство, память и т. п.). 3. только ед. Качество, свойство, состояние, дающее возможность производить те или иные действия, исполнять ту или иную работу...

Последнее – качество, свойство или состояние – это все те же пропускательная и пропускная способность, то есть позднее искажение исходного значения. Природное дарование – весьма ловкая находка естествознания, отменяющая богов. Во многом, такое же искажение исходного значения, поскольку приписывает природе некую личностную способность осуществлять действия, которая была бы естественна для бога, но уместна для природы, как пропускная способность для железной дороги...

Склонность к усвоению чего-нибудь, особенно к занятиям чем-нибудь – это обман, а не определение способностей. Просто потому, что в русском языке очевидно: склонность есть, а вот способностей бог не дал! Особенно неприятна такая склонность в желающих стать музыкантами в домашних условиях...

Возможность и умение что-либо делать, это тоже не определения способностей. Это все стрельба вокруг цели. Скорее, это апофатический прием, то есть определение от обратного, определение отрицанием: способности не есть возможности, умения или склонности. Они не то и не это... Так в старину определяли бога!

Зато появляется любопытное, хотя и непонятное: Возможность, умение переживать и действовать в той или иной области психической жизни, свойственная живому существу (псих.). Душевные способности (воля, чувство, память и т. п.).

Пропусту заимствование из прежней психологии. С языковедческими определениями оно как-то странно не вяжется, будто заплатка из другой ткани. И ожидается, что это либо нечто исходное, либо должно быть согласовано с остальным. Однако никакого согласования нет.

И остается впечатление, что советское языкознание так и не подошло к тому, чтобы дать определение понятию «способность». Возможно, это было сделано в специальных исследованиях, которые были мне недоступны...

Дореволюционные словари русского языка не все знали понятие способностей. Так в Кратком толковом словаре русского языка П. Стояна 1913 года способностей нет. Но я все же приведу то, что относится к родственным словам, поскольку оно дает подсказки:

Способный 1) могущий, годный. Склонный, обладающий возможностью. 2) талантливый, одаренный...

Способствовать чему- помогать, давать свободу действию, облегчать.

На мой взгляд, самыми любопытными намеками на сущность способности являются понятия «могущий» и «давать свободу действию». С одной стороны, обладать способностью – значит мочь, с другой – иметь свободу для использования этой «мочи»...

Справочный словарь Чудинова 1901 года способность определяет, но очень кратко:

Способность. Дарование, склонность к чему-либо.

В определении с помощью близких по смыслу слов Чудинов дальше склонности не идет. При этом именно склонность менее всего пригодна для определения способности. Склонность есть, да способностей бог не дал!

Остается надеяться только на Даля. Даль говорит о способности в статье Способиться.

Способность качество по прилагательному способный. Распорядись по способностям, как будет способнее. Способный, годный к чему-либо или склонный, ловкий, сручный, споручный, пригодный, спутный, удобный. Способный человек, умственно одаренный или развитой; способный к математике, к живописи, склонный к сему и понятливый на это.

Как кажется, понятие способность в то время еще было весьма смутным и лишь начинало осознаваться. Наиболее употребительным оно было в значении пригодности. Что значит, осознавалось в связи с понятием способа действия. Что пригодно, то и способно пособить.

При этом вся глубина современного понимания в понятии способность уже присутствует, но как бы не раскрытая, еще таящаяся.

Очевидно, что языковедение не в силах дать полноценное определение этому понятию, оно само с трудом продирается сквозь множественные смыслы родственным способностям слов. И по большей мере называет то, что похоже, но способностями не является. Надо искать у тех, кто мог заглянуть за поверхностное использование слов, у философов и психологов.

Глава 2

Философия способностей

Для современного философа такое название в качестве определения предмета исследования, пожалуй, не то чтобы недопустимо, но уж точно неузнаваемо. Дело в том, что современные философские словари такого понятия, как способности, не знают.

В большинстве наших словарей статья «способности» либо отсутствует совсем, либо же подменяется кантовской «способностью суждения». Как может в целостной философии существовать частное понятие без определения исходного, мне неизвестно, но философы с этим вполне мирятся.

Правда, в разгар социалистического строительства и его победы в отдельно взятой стране, была сделана попытка дать определения всему, как это случилось в 1970 году в «Философской энциклопедии». В том числе, была создана и статья «способности». Под ней, правда, было помещено нечто психологическое:

«Способности – характеристики личности, выражающие меру освоения некоторой совокупности деятельностей. При этом под мерой освоения понимают быстроту и легкость реализации определенного рода деятельности, глубину и прочность усвоения ее способов и т. д. В иерархически представленной структуре личности способности занимают место над навыками и умениями, выступая в качестве средств их регулирования и развития» (В.Москаленко)»

Статья эта показательна своей очевидностью: философ не говорит о способностях, он их использует, чтобы дать определение личности. Характеристики, черты, особенности, свойства, проявления – это все описание того, через что можно исследовать личность. Можно и

через способности. Личности, безусловно, отличаются друг от друга именно разными способностями. Но что такое способности?

Традиция, очевидно, уже заложенная к этому времени, продолжится и после выхода ФЭ – способности в нашей науке прочно отойдут в ведомство психологии личности, где и прозябают до сих пор. Почему?

Думаю, на это исчерпывающе ответили в 1957 году наши известные психологи А.Ковалев и В.Мясищев в книге, посвященной психическим особенностям человека:

«Исходя из того, что «природа человека возделываема», педагогика ставит своей задачей направлять развитие и формирование личности, характера и способностей, удовлетворяющих требованиям той социальной системы, которую представляет и обслуживает эта педагогика» (Ковалев, с.8).

Всю нашу науку той поры интересовали не способности, а госзаказ, и личность была самым удобным орудием приложения сил в борьбе за формирование строителя коммунизма...

Именно это, с позволения сказать, педагогическое понимание личности обслуживающими социальную систему науками отразилось и во всех массовых изданиях той поры, вроде энциклопедических словарей. Думаю, задача «направлять развитие и формирование личности» легко узнается в определении «Советского энциклопедического словаря», вышедшего много раз, начиная с 1979 по 1990 год:

«Способности – индивидуальные особенности личности, являющиеся субъективными условиями успешного осуществления определенного рода деятельности. Не сводятся к знаниям, умениям и навыкам; обнаруживаются в быстроте, глубине и прочности овладения способностями и приемами деятельности».

Способности – это особенности личности... Забегая вперед, скажу: несводимость способностей к умениям, знаниям и навыкам взята нашими словарями из работ известного советского психолога Теплова. Подметить это – было немалым достижением советской психологии, которое она старается не утратить до сих пор.

Возможно, единственная попытка дать определение не личности, а самим способностям была сделана в энциклопедическом словаре «Философия» под редакцией Ивина в 2006:

«Способность – любое умение, возможность, сила или талант человека действовать или страдать. Способность может быть врожденной или приобретенной, скрытой или активной».

Попытки давать собственные определения способностям произвольно загоняют исследователя в ловушку невозможности описать это понятие. Очевидно, что способность – это не знание или умение, это то, что определяет, насколько легко и быстро ты обретаешь знания и умения. Замена русской способности на иноязычный *talant* – просто признак того, что автор не владеет точным рассуждением. А выражение «сила человека действовать или страдать», хоть и весьма поэтично, но не в ладах с русским языком...

Предмет, кажется, совсем не прост!

Однако старая русская философия знала попытки определять способности. Сильвестр Гогоцкий делает такую в 1876 году в «Философском словаре»:

«Способность (facultas). В обширном смысле слова, под способностью разумеется возможность для живого существа собственным внутренним возбуждением своих сил (конечно, не без внешнего влияния), производить какие-нибудь целесообразные перемены в состоянии своем и вещей его окружающих, то есть способностью предполагается и данный от природы запас сил и употребление их соответственно какой-нибудь цели.

В XIX веке понятие о способностях души существенно изменилось в сравнении с прежними понятиями. Прежде обыкновенно приписывали душе способности представления, воображения, рассудка и т. д., хотя вовсе не видно было никакой связи способностей с натурой души, ни их последовательности, ни смысла в их соотношении.

В XIX же веке обе противоположные психологические школы отвергают прежнее понятие о способностях души. Школа идеалистическая под способностями души понимает только различные степени и направления одной и той же свойственной ей сознательности и самодеятельности; подобные степени сознательной душевной жизни выражаются, например, в ощущении, представлении, воображении, памяти, рассудке и т. д.

Школа реалистическая, начиная с Гербарта, понимает под способностями только различные, механически совершающиеся сочетания между представлениями и их результаты, не зависящие от самой природы душевной жизни, а потому и не выражающие существа душевной монады»

Судя по всему, сам Гогоцкий выразил свое мнение в первом абзаце статьи, но латинское *facultas* с очевидностью показывает, что речь идет о «старом» понимании способностей, уходящем своими корнями в средневековую схоластику. Суть его в том, что способность – это возможность.

Такое утверждение выглядит примером плохого рассуждения. Есть у человека возможность что-то делать или ее нет, но что такое способность? Тем не менее, если отнестись к этому определению со вниманием, то получится, что способность не есть некая вещь, которую можно в себе развить. Она, скорее, свобода делать то, что ты можешь и хочешь. Свобода, которой обладают далеко не все...

Предположение странное. Мое собственное понятие о способностях ему сопротивляется. И все же я его сохраню. Сохраню и намек на связь способностей с некими силами, проявившийся в определении словаря Ивина, как некое отдаленное эхо давно позабытой песни...

Тем не менее, очевидно, что это определение Гогоцкого сделано философом не в том смысле, в каком понимают свою науку наши современники. Гогоцкий пишет еще в ту пору, когда психология не выделилась полностью из философии. Поэтому его определение, скорее, психологическое.

Вопрос только в том, возможна ли философия без души? Про психологию все ясно. Она как раз вскоре после этого определения Гогоцкого сделала над собой такой эксперимент. Что с ней случилось, мы все наблюдаем вживе.

А как насчет философии? Кажется, такой вопрос даже не ставился. Но ведь философия определенно рассталась в ту эпоху не только с психологией, но и с душой!.. Заключение

Я хотел найти определение понятия «способность» хотя бы в самом общем виде и, кажется, не преуспел в этом. Честно признаться, я до сих пор нахожусь в недоумении: все же определений мне было предложено много, и звучали они очень уверенно, хотя и противоречиво. Не признать ли что-то из них за то, чему можно сдаться?..

Ну, например, что способности – это те особенности, которыми одна личность отличается от другой? Утверждение-то бесспорное, к тому же им пользуется целое научное сообщество и все наши энциклопедические словари массового распространения!

А может, способности – это возможности? Или, лучше, склонности? Вот у меня, к примеру, есть склонность ковырять в носу? Это способность или не способность, ведь я такой способностью, бесспорно, обладаю?! Удивительный парадокс: я обладаю способностью ковырять в носу, и у меня есть такая склонность – является ли склонность ковырять в носу способностью?

С очевидностью: это разные и независимые друг от друга вещи! Тем более, что многие обладающие такой же способностью люди этой склонностью не страдают...

Все, что я получил из попытки быстро извлечь определение способностей из поверхностного просмотра словарей, это несколько намеков на то, что наличием способности определяется, могу ли я что-то делать. Иметь способность – значит мочь. И то, что способности могут как-то быть связаны со свободой делать или быть.

Что за связи между этими понятиями, остается только гадать, потому что те мыслители, которые их заметили, очевидно, были не в силах объяснить свои прозрения. Возможно, я просто искал не там или не погрузился на достаточную глубину в науку о способностях. Действительно хочется верить, что психология способностей имеет ответы на мои вопросы.

Кстати, ничего особенного я не прошу, просто соответствующее действительности определение понятия!

Глава 3

Психология способностей. Словари

Если уж где-то и искать определение способностей, так это у психологов. У иностранных психологов я этого определения искать не хочу, поскольку они таят в себе двойную неясность.

Вот, например, психологический словарь Майкла Кордуэлла дает короткое и удобное определение:

«Способность. Качества или навыки, позволяющие человеку заниматься той или иной деятельностью. К примеру, мы, мы можем обладать спортивными, интеллектуальными, математическими способностями и так далее».

Способности – это качества или навыки...

Словарь Ребера тоже лаконичен:

«Способность. Вообще – а) природная одаренность; б) умение, а также возможность производить какие-либо действия».

Способность – это умение или возможность...

Все это сначала проглатывается бездумно, как мы привыкли читать словари, а затем вдруг возвращается отрывкой, как при несварении желудка. Эти пищевые продукты несовместимы ни друг с другом, ни с человеческим желудком.

Но еще хуже то, что при этом мы не знаем, а о каком действительном понятии было сделано это высказывание. Ведь это переводчики поняли, что Ребер и Кордуэлл говорят о способностях. А они говорили о каком-то своем понятии, для которого было английское имя, даже не приведенное в переводе.

В итоге я не имею определения способностей, данного иностранными психологами, я имею лишь размышления на эту тему нашего переводчика.

Искать понятия надо на родном языке, потому что закладывались они в сознание именно с помощью этого языка в долгом-долгом общении с его носителями. Если не идти к корням понятия, то к пониманию и не придти. Правда, можно подменить родное понятие, купившись на красивые звучания иностранного языка. Тогда рождается нечто вроде определения из Энциклопедического словаря «Психология труда, рекламы, управления, инженерная психология и эргономика» (2000) под редакцией Б. Душкова:

«Способности – определяются как совокупность свойств (качеств) вещей, системы, проявляющихся в процессе функционирования. Способности есть проявления личности. Способности обладают теми же качествами, что и психологические функции: аналитичностью и абстрактностью (В.Д.Шадриков)» (с. 334).

Честно признаюсь, я как-то понимал определения Ребера и Кордуэлла, но перед этим определением я сдаюсь. Я вообще не понимаю, что означают все использованные здесь слова.

Вероятно, это слишком специальный словарь, а настоящие знания хранятся в общей психологии и психологии способностей.

Поэтому я начну по порядку с самых ранних наших психологических словарей.

В 1931 году Варшава и Выготский создают первое в советской психологии определение способностей:

«Способность – потенциальное действие, готовность, возможность к работе. Понятие способности – центральное в старой психологии (учение о душевных способностях), дробившей целостную личность на ряд отдельных способностей (внимание, память и т. д.)».

К чему они поминают старую психологию, понятно: она не права. Впоследствии эти намеки будут повторяться и в новых словарях наших психологов. Что же касается собственного определения, то я пока сохраню его как одну из попыток сделать описание явления. Относительно удачное или неудачное. «Потенциальное действие» я, пожалуй, выкину, как не совсем русское, а вот *готовность* и *возможность к работе* пусть останутся штрихами портрета искомого явления.

Следующий наш психологический словарь, составленный Б.М.Петровым в 1974 году, посвящает способностям большую статью. Это словарь-хрестоматия, он составлен из высказываний наших ведущих психологов. Очевидно, наша психология к этому времени уже накачала мышцы и обрела изрядное понимание способностей. Объясняется это последней цитатой словарной статьи, посвященной способностям:

«...Призвание, назначение, задача всякого человека – всесторонне развивать все свои способности...» (К.Маркс и Ф.Энгельс)».

Почему классики так посчитали, я не знаю, но после того, как они так посчитали, призвание и назначение всякого советского человека-психолога стало написать чего-нибудь психологического о способностях. Первое определение, приводимое Петровым, взято из работ Теплова:

«Способности – «индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого... Способностями называются не всякие вообще индивидуальные особенности, а только такие, которые имеют отношение к успешности выполнения какой-либо деятельности, от которых зависит возможность осуществления и степень успешности какой-либо деятельности или многих деятельностей».

Они не сводятся к наличным навыкам, умениям или знаниям, но... могут объяснять легкость и быстроту приобретения этих знаний и навыков».

Как видите, Теплов полностью противоречит определениям Ребера и Кордуэлла, если они, конечно, говорят об одном и том же. Способности ни в коем случае не есть знания, умения или навыки. Они то, что «может объяснять быстроту и легкость приобретения...»

Теплов, безусловно, прав: человек может делать что-то лучше других, но не потому, что у него есть к этому способности, а потому что он научился. Знания и умения не есть способности. Но что же такое способности? Индивидуально-психологические особенности? Иначе, отличия одного человека от другого? Это не определение, хотя все слова использованы верно, даже искусственный интеллект не мог бы подобрать их лучше.

Как пример: что такое машина? Это предмет, способный перемещаться. Действительно так... Или: это воплощение человеческих представлений о прекрасном! А что? Красиво сказал! И ведь не оспоришь. Только что же такое способности? То, что способно объяснять?

Следующее определение было выдернуто Петровым из трудов другого классика нашей психологии – А. Леонтьева:

«Специфически человеческие способности и функции складываются в процессе овладения индивидом миром человеческих предметов и явлений. [Их]... материальный субстрат составляют прижизненно формирующиеся устойчивые системы рефлексов».

Дай бог ему не переворачиваться в гробу каждый раз, когда это читают!..

Заклучалась статья огромной выдержкой из К.К.Платонова. Его классификацию способностей я опушу и сразу приведу определение:

«Элементарными частными (или основными, как их называл Б.М.Теплов) способностями являются отдельные свойства (черты) личности, сформировавшиеся на основе индивидуально своеобразного обобщения соответствующих психических процессов как тоже элементарных, но уже не всем присущих психических видов деятельности...»

Что можно из этого извлечь?

Способности – это свойства или черты личности. Возможен ли знак равенства между такими понятиями, как свойства и черты? Только если прилепить к ним общий знаменатель в виде личности. Это неприметное уточнение делает фокус: рассуждение из попытки определить, что такое способности, оказывается объяснением того, как надо описывать личность. Сродни Тепловскому объяснению легкости обретения знаний и навыков.

Если мы говорим про личности, то они все отличаются друг от друга. Чем? Разными чертами. К примеру, способностями или свойствами. Впрочем, использование понятия «свойства», похоже, все-таки неуместно в любом случае. Хотя, конечно, можно задать вопрос: каковы свойства личности? Но советская психология не знала личности как самостоятельного явления сознания в смысле некой вещи. Каждая личность для них принадлежала своему носителю и была чистой воды искусственным производением, возникающим в ходе общественно-трудовой деятельности.

Иначе говоря, это понятие идеальное. И говорить о ее свойствах можно лишь относительно черт, то есть отличий одной личности от другой.

Меня же тянет усмотреть за использованием понятия «свойства» разговор о природе того, что порождает способности. И это явно не личность. Разный рисунок способностей, безусловно, отражается в различиях личностей. Их даже можно по этим отличиям различать и описывать. Но что есть среда, в которой возможны способности? Свойствами чего они являются?

Сам Платонов дважды после этого выпускал словари – в 1981 и 1984 годах, но определение способностей использовал в них одно и то же:

«Способности (психические) – качество личности, определяющее успешность овладения определенной деятельностью и совершенствование в ней. Способности – подструктура личности, наложенная на ее остальные основные подструктуры...»

Способности психические тесно связаны с физиологическими. «Под рабочей силой, или способностями к труду, – писал К.Маркс, – мы понимаем совокупность физических и духовных способностей, которыми обладает организм, живая личность человека, и которые пускаются им в ход всякий раз, когда он производит какие-либо потребительные стоимости.»

Более-менее становится понятным, откуда растут уши. Оказывается, это классики предписали изучать способности как черты или свойства личности. Вот только Маркс явно приравнивает «живую личность человека» к организму. Это делает неоправданным исключение физических способностей из психологии личности, хотя оправдывает привязывание всего к физиологии.

Тем не менее, есть физические способности. Или их нет? А есть способности телесные, если уж говорить по-русски! И есть способности психические, хотя Маркс отчетливо называет их духовными. Но если считать эти способности духовными, то их не получится привязать к физиологии, к тому же точное рассуждение потребует объяснить, что входит в понятие «духовного». А там и до степеней известных докатиться можно!..

Мы явно имеем здесь вместо определения понятия пример политики в науке.

В 1983 году коллективом из самых матерых психологов Советского Союза был создан главный «Психологический словарь» сообщества. Поэтому его определение способностей можно считать итогом полувековых усилий нескольких тысяч исследователей:

«Способности – индивидуально-психологические особенности, являющиеся субъективными условиями успешного осуществления определенного рода деятельности. Способности не сводятся к имеющимся у индивида знаниям, умениям, навыкам. Они обнаруживаются в быстроте, глубине и прочности овладения способами и приемами деятельности».

Хорошее определение, гладкое. Вглядываемся в то, как быстро кто-то овладевает способами деятельности и прозреваем где-то в глубине: да это же способность подмогла! Стало быть способности – это что-то связанное со способами деятельности. При этом их еще и можно считать особенностями. А можно чертами. Или отличиями. Но это мы опять попали в разговор о том, как описывать личность. Это к определению способностей совсем не относится.

Как и «субъективные условия успешного осуществления определенного рода деятельности». Незаметное движение фокусника, и личность спряталась в рукаве, а вместо нее появились гораздо более наукообразные «субъективные условия». Способности – это условия осуществления деятельности! А что, не прикопаешься! И еще они – условия успешности в жизни. И условия индивидуальных различий! И условия профессиональной пригодности!

Психологи невольно сбиваются при определении способностей на множественные разговоры не о том. Это знак того, что способности слишком сложны для определения. Поэтому, чтобы сохранить лицо, сообщество и придумывало способы, как говорить гладко и запоминающеся.

Но все, что создано советским психологическим сообществом, а оно переиздало этот словарь в 1997 и 2003 годах все с тем же определением, указав лишь, что оно принадлежит Теплому, сводится к смутному прозрению, что, всматриваясь в способы деятельности, можно увидеть глубоководную тень способности...

Открытие очевидное, доступное ребенку или языковеду: способ и способности – однокоренные слова! Но открытие не простое, потому что слова-то родственные, а вот понятия за ними стоят очень разные!

Дальше этого определения никто из наших психологов так и не шагнул. В сущности, это определение было повторено словарями Петровского и Ярошевского, лишь слегка в иных словосочетаниях. Современные русские словари либо уверенно повторяют определение Главного словаря, либо вообще опускают способности, как это делают словари Степанова и Бачинина.

Честно признаюсь, меня это определение не только не удовлетворяет, но даже расстраивает. Я слегка напуган той тенью, что мелькала в глубинах, открывающихся заглядывающему в способы...

Заключение

Я хотел найти определение понятия «способность» хотя бы в самом общем виде и, кажется, не преуспел в этом. Честно признаться, я до сих пор нахожусь в недоумении: все же определений мне было предложено много, и звучали они очень уверенно, хотя и противоречиво. Не признать ли что-то из них за то, чему можно сдаться?..

Ну, например, что способности – это те особенности, которыми одна личность отличается от другой? Утверждение-то бесспорное, к тому же им пользуется целое научное сообщество и все наши энциклопедические словари массового распространения!

А может, способности – это возможности? Или, лучше, склонности? Вот у меня, к примеру, есть склонность ковырять в носу? Это способность или не способность, ведь я такой спо-

способностью, бесспорно, обладаю?! Удивительный парадокс: я обладаю способностью ковырять в носу, и у меня есть такая склонность – является ли склонность ковырять в носу способностью?

С очевидностью: это разные и независимые друг от друга вещи! Тем более, что многие обладающие такой же способностью люди этой склонностью не страдают...

Все, что я получил из попытки быстро извлечь определение способностей из поверхностного просмотра словарей, это несколько намеков на то, что наличием способности определяется, могу ли я что-то делать. Иметь способность – значит мочь. И то, что способности могут как-то быть связаны со свободой делать или быть.

Что за связи между этими понятиями, остается только гадать, потому что те мыслители, которые их заметили, очевидно, были не в силах объяснить свои прозрения. Возможно, я просто искал не там или не погрузился на достаточную глубину в науку о способностях. Действительно хочется верить, что психология способностей имеет ответы на мои вопросы.

Кстати, ничего особенного я не прошу, просто соответствующее действительности определение понятия!

Современная психология способностей

Понятие «современная психология способностей» далеко не просто для меня. Самое малое, она должна состоять из трех частей: советская психология способностей, новая русская психология и зарубежная психология.

В действительности, новой русской психологии способностей, можно сказать, и не существует. Существуют работы, написанные в течение последних двух десятков лет, в которых либо продолжают традиции советской психологии, либо в наше сознание проводятся идеи с Запада. Допускаю, что есть такие работы, в которых то и другое как-то смешивается.

Именно этот советско-американский клубок я и называю современной психологией способностей, относительно которого можно выделить старую психологию. Что такое «старая психология», связывавшая способности с душой, намекнули уже Выготский и Варшава, но еще ярче это показали создатели «Главного» психологического словаря в 1983 году:

«В истории философии способности с течение длительного периода трактовались как свойства души, особые силы, передаваемые по наследству и изначально присущие индивиду. Отголоски таких представлений закрепились в обыденной речи, имеются рецидивы их возрождения и в научной литературе на базе достижений генетики.»

Понимание способностей как врожденных было подвергнуто критике английским философом Дж. Локком и французскими материалистами, выдвинувшими тезис о полной зависимости способностей индивида от внешних условий его жизни. Механистичность такого представления была преодолена в философии марксизма, где проблема способностей изучается на основе понимания человека как совокупности общественных отношений, диалектического подхода к трактовке соотношений внутреннего и внешнего.»

Врожденными являются анатомо-физиологические особенности (смотри Задатки способностей), выступающие как предпосылки возможного развития способностей; сами же способности формируются в процессе осуществления разнообразной деятельности, в сложной системе взаимодействий индивида с другими людьми.»

На этом рубеже, как на водоразделе истории, победители положили всех защитников души и не пропустили «старую» психологию в новый мир. Так сказать, снесли до основания, чтобы построить что-то свое, новое...

Даже при таком кратком изложении, очевидно: новая психология способностей исходит из Локковской победы над картезианством, полностью отрицая не только душу, но даже и намек на нее, который, безусловно, можно рассмотреть в определении способностей как чего-то врожденного, что человек приносит с собой и может раскрыть или развить.

Иначе говоря, советские психологи не зря сразу очертили себя кругом, чтобы, не дай бог, не проникли в их представления хоть какие-то: *отголоски таких представлений*, которые закрепились в обыденной речи. К их стыду, *имеются рецидивы их возрождения и в научной литературе на базе достижений генетики...*

Это восемьдесят третий год! Генетика уже давно перестала быть «продажной девкой империализма» даже для правителей Советского Союза, а психологи все еще держат оборону, как это было поручено им в начале пятидесятых! Генетика уже давно одна из тех наук, которые правят этим миром, а ее достижения считаются воротами в будущее. Но не для психологов!

Но если можно усомниться в их оценке генетики, то естественно усомниться и в том, что они верно оценили и представления обыденной речи! А значит, не стоит так уж бездумно отбрасывать намек нашего языка на то, что у кого-то есть способности, а у кого-то их нет, и как бы упорно этот человек ни трудился, какие бы общественные связи ни поддерживал, ничего выдающегося он не сделает. Без способностей это не дается!

Все это лишь мои исходные предположения, но таким образом, соглашаясь с другими исследователями или возмущаясь на явные несоответствия их высказываний моим представлениям, я выявляю, как говорили раньше, выпихтываю собственное понятие о способностях.

В этом суть культурно-исторического подхода в психологии.

Поэтому я расскажу о том, что делается в научной психологии, разделив ее на современную и старую, то есть дореволюционную науку о душе. К современной я отношу не только то, что делается сейчас, но все, что заменило старую психологию, выстроив себя не на понимании души, а на естественнонаучном мировоззрении, основы которого были заложены Локком.

Вероятно, мне придется коснуться и того, что делается за рубежом, но я сделаю это только на основании тех публикаций, которые ввели в научный оборот нашей психологии сами психологи. Иначе говоря, меня интересует не действительная зарубежная психология способностей, а ее понимание русско-язычными психологами.

Начну с того, с чего начинается широкая психологическая культура, с обзорных статей и учебников психологии. Затем попробую заглянуть и в настоящую науку.

Слой первый Обзоры и учебники

В действительности, современная психология началась с ее переходом в естественнонаучное состояние, которое совпало с выделением психологии из философии. Сами психологи считают точкой отсчета создание Вильгельмом Вундтом в семидесятых годах девятнадцатого столетия психологической лаборатории. Но в России переход в естественнонаучное состояние начался после публикации в 1863 году Сеченовских «Рефлексов головного мозга» в «Современнике».

Революция семнадцатого года изменила в прежней России все, кроме естественной науки. Тем не менее, с добавлением марксизма, психология, безусловно, стала другой. Она осознала роль общества и культуры в создании того, что считает себя человеком. В советское время в психологии родилась Личность.

Это звучало гордо, но было лишь орудием воздействия на массы. Именно эта способность личности – меняться в соответствии с требованиями окружающей общественной среды – и была целью всей советской психологии, которая очень сильно связывала себя с задачами педагогики.

Психолог советского времени работает на Власть под видом воспитания нового поколения советских людей, в действительности, винтиков. Поэтому личность становится всем и полностью затмевает не только душу, но и простой здравый смысл.

Глава 1 Академическая наука. Верхний срез. Дружинин. 1999

Наше психологическое сообщество несколько раз на протяжении своего существования делало обзоры того, что сделано им в психологии способностей. Эти обзоры охватывают достаточное количество представительных работ, чтобы их можно было считать своеобразными срезами, по которым можно судить о развитии науки.

Такие обзорные статьи – самостоятельные или внутри каких-то книг – позволяют получить самое общее представление об устройстве сообщества и о том, что там делается. Главное – в них названы имена и даны самые общие оценки. Оценки эти, в сущности, есть выводы и итоги работы сообщества за большие отрезки времени, а имена позволяют уйти вглубь науки.

Последним таким срезом я считаю вышедшее в 1999 году второе издание «Психологии общих способностей» академика Дружинина. Даже если после нее и были обзорные работы, эта все же важнее, поскольку она отметила вхождение нашей психологии в новое состояние – полную зависимость от американской психологии.

Обзору предшественников в ней посвящена первая глава. Точнее, главка, из которой большая часть отведена рассказу о Гальтоне. Собственно нашей психологии отведено три странички, из которых более-менее осмысленной является первая. Ее стоит пересказать подробней, потому что именно из нее выростала почти вся наша последующая университетская психология способностей.

Начинает академик Дружинин со странной ужимки, явно имеющей глубокий психологический смысл. На мой взгляд, таким образом он закладывает договор свойства нового сообщества русских психологов. В основу его положен один из самых действенных инструментов психологического воздействия – презрительное осмеяние.

«Привычка начинать с дефиниций, внедренная в нашу психику немецкой научной традицией, ведущей свою родословную (через Гегеля) от средневековой схоластики, вынуждает в начале изложения давать определения понятиям. Хотя К.Поппер и полагает, что определения понятий суть результаты научного общения, а не его предпосылка, принято давать трактовку основных понятий перед изложением материала» (Дружинин, с.12).

Эта самая «презренная привычка» займет в большой книге Дружинина всего одну страницу, а затем на читателя обрушатся водопады американских теорий, которые в определениях не нуждаются. Лишь бы наши студенты покупали переводы книг, подготовленные командой Дружинина. Так русская психология стала служанкой американской книжной торговли...

Что же касается привычки начинать с дефиниций, то есть с определений, это отнюдь не немецкая традиция и вовсе не наследие схоластики. Это самое что ни на есть бытовое требование любого точного рассуждения: вначале сказать, о чем ты собираешься говорить. Привычка не начинать с такого объявления предмета, если верить Дружинину, присущая американской психологии, – самый яркий признак не научности, а рыночности. И если ее насаждал академик, то... бедная, бедная Офелия наша психология!

Наука должна быть честной. Не по нравственным требованиям, а по требованиям самой научности. Точнее, по требованиям точности рассуждения, без которого науки просто нет. Другое дело торговля. Торговля без обмана не бывает.

Дружинин высмеивает основы научности, как Сеченов высмеивал науку о душе, делая прежние поколение психологов посмешищем для молодежи. Это старый прием, ведущий к свержению отцов детьми. Именно это и происходит под руководством Дружинина. Старая советская психология меняется не на русскую, а на рыночную. Кроме этой страницы русских психологов в его «Психологии общих способностей» больше нет. Все остальные – сплошной свет с Запада.

Но высмеивание нужно, чтобы освободить свято место. Местом этим святым, в сущности, является наша Россия. Освободив ее от прежнего содержания, превращаем в рынок для новых товаров. И нужно для этого всего лишь чуточку лжи.

Вот Дружинин снизошел до необходимости спуститься со своих высот и давать нам определения способностей. Ожидается, что он их и вправду даст? Ожидается. Но будет лишь перечисление нескольких слабых попыток дать такое определение, сделанное советскими психологами. Не считать же определением вот это:

««Способность» – одно из наиболее общих психологических понятий» (т.ж.).

Далее следуют чужие определения:

«В отечественной психологии многие авторы давали ему развернутые определения. В частности С.Л.Рубинштейн понимал под способностями «...сложное, синтетическое обра-

зование, которое включает в себя целый ряд данных, без которых человек не был бы способен к какой-либо конкретной деятельности, и свойств, которые лишь в процессе определенным образом организованной деятельности вырабатываются».

Аналогичные по содержанию высказывания можно найти и у других авторов» (т.ж.).

Считал ли сам Дружинин «высказывание» Рубинштейна определением способностей? Сомневаюсь. Иначе он из него бы и исходил. Да и само «высказывание» Рубинштейна лучше, чем Дружинин, не обозвать. Способность – это сложное, синтетическое образование? Либо Сергей Леонидович болел, когда это писал, либо Дружинин выхватил из его трудов что-то, что сделало Рубинштейна смешным и глупым.

Но Дружинин, разобравшись с Рубинштейном, столь же решительно и небрежно переходит к Теплову:

«Б.М. Теплов выделил три признака способностей, которые и легли в основу определения, наиболее часто используемого специалистами: 1) способности – это индивидуально-психологические особенности, отличающие одного человека от другого; 2) только те особенности, которые имеют отношение к успешности выполнения деятельности, или нескольких деятельностей; 3) способности несводимы к знаниям, умениям и навыкам, которые уже выработаны у человека, хотя и обуславливают легкость и быстроту их приобретения.

Тем самым область психологии способностей – это раздел психологии индивидуальных различий (дифференциальной психологии)» (т.ж.).

Разделяет ли сам Дружинин взгляд на эти «признаки способностей» как на определение способностей и, тем более, верное определение? Непонятно. Но последнее высказывание дает основание предполагать, что именно это и есть его понимание. Однако я не вижу здесь самого главного: определения способностей.

Способности, безусловно, позволяют отличать одну личность от другой. Но что такое сами способности? Нечто, несводимое к знаниям, умениям и навыкам? Или нечто, что обуславливает легкость и быстроту их приобретения? Последнее, очевидно, верно. Но что есть это Нечто?

Сам Дружинин подобными сложностями свою голову не забывает. Он просто идет дальше, как ледокол, отметающий ненужные копания, как если бы было очевидно, что мы уже определили предмет своего исследования. Впрочем, может, мы вправду его определили, а разговор о способностях должен вестись как разговор об успешности:

«Естественно, успешность выполнения деятельности определяют и мотивация, и личностные особенности, что и побудило К.К.Платонова отнести к способностям любые свойства психики, в то или иной мере определяющие успех в конкретной деятельности.

Однако Б.М. Теплов идет дальше и указывает на то, что, помимо успеха в деятельности, способность детерминирует скорость и легкость овладения той или иной деятельностью, и это изменяет положение с определением: скорость обучения может зависеть от мотивации, но чувство легкости при обучении (иначе – «субъективная цена», переживание трудности) скорее обратно-пропорционально мотивационному напряжению» (т.ж.).

Какое отношение все это имеет к «положению с определением» способностей, я не понимаю. Поэтому для меня полной неожиданностью оказывается следующее за этим «Итак»! Итак – это вывод, и в данном случае он звучит так, как если бы определение было дано, и мы можем приступить к некоторым уточнениям:

«Итак, чем больше развита у человека способность, тем успешнее он выполняет деятельность, быстрее ею овладевает, а процесс овладения деятельностью и сама деятельность даются ему субъективно легче, чем обучение или работа в той сфере, в которой он не имеет способности.

Эту формулу способности можно выразить в объективной форме:

*СПОСОБНОСТЬ = продуктивность
«цена»
или же в субъективной форме:
СПОСОБНОСТЬ = успешность
Трудность» (т.ж.с.12–13).*

Способности можно определять как индивидуальные особенности, но тогда это будет определение индивидуальности или личности. Их можно определять как то, что обеспечивает успешность. Но тогда это определение успешности.

А что же такое сами способности?

На рубеже третьего тысячелетия наша психология устами своего главного теоретика способностей объявляет: способность – это Нечто. И что это такое, она не знает... Но зато неплохо знает, как это использовать.

Глава 2 **Срединный срез. Чудновский. 1986**

В начале Перестройки, а значит, на закате Советского строя, журнал «Вопросы психологии» поместил статью В. Чудновского «Актуальные проблемы психологии способностей», которая подбивала итоги всей работы советского сообщества психологов в этом направлении. Естественно, тогда сообщество ощущало себя на пике, в отличие от времен Дружинина, когда оно искало, кому бы отдаться.

Тем не менее, вершина начинается с признания, которое отправляет нас в низину...

«В советской психологии накоплен определенный позитивный опыт как в разработке основных теоретических предпосылок исследования данной проблемы (С.Л. Рубинштейн, Б.М. Теплов, А.Н. Леонтьев, Н.С. Лейтес, К.К. Платонов, В.Н. Мясищев), так и в конкретно-психологическом изучении специальных способностей (В.А. Крутецкий, М.Г. Давлетишин, А.П. Линькова, И.В. Дубровина, В.И. Киреев и др.). В результате исследования специальных способностей был получен большой фактический материал, который позволил создать первичное представление о структуре отдельных способностей.

Вместе с тем пока что не решены фундаментальные вопросы, связанные с раскрытием психологической сущности способностей, их детерминации, процесса и условий формирования» (Чудновский, с.78).

В сущности, признание это крайне просто: до сих пор нет определения способностей, поскольку неясна их сущность, а значит, невозможно и решить, как их раскрывать. При этом статья написана в ответ на запрос советской педагогики, то есть на запрос власти о том, удачно ли идет возвращение нового поколения винтиков по имени новая общность – советский народ. Иными словами, автор пытается решить то, что называлось в те времена госзаказом.

Решения тогда были советскими:

«Решение этих вопросов существенно зависит от консолидации сил исследователей, представляющих разные направления и концепции. Важно, чтобы разработка проблемы способностей шла по линии не противостояния различных подходов, а их сопоставления и взаимодействия.

Укажем для иллюстрации этого положения на два наиболее отчетливо выступающих в нашей науке направления – деятельностный подход к проблеме способностей, с одной стороны, и направление, делающее акцент при изучении способностей на проблеме индивидуальных различий, – с другой» (т.ж.).

Советское решение – это собрать как можно больше психологов в одном месте и швырнуть их на прорыв. А уж они что-нибудь придумают, чтобы успокоить разбушевавшееся чудовище государственности. Коллективные решения – это решения больших сообществ. Как государство может сомневаться в их истинности, если за ними стоит так много уважаемых государством людей!?

И даже то, что таких решений не меньше двух, которые друг другу противоречат, никак не может отнять уважение к авторитетным людям и составленным ими сообществам. А значит, оба решения верные, поскольку они авторитетные!

Между тем, подходы эти звучат и у Дружинина, и в советских словарях: деятельностный и индивидуальных различий. Иначе говоря, способности это либо то, что обеспечивает успешность, либо то, по чему можно отличать личности одну от другой. И мы уже видели, что ни один из этих подходов не говорит о той самой психологической сущности способностей, которую поминает Чудновский. Иначе говоря, им нет дела до того, а что же такое способности сами по себе.

Правду сказать, Чудновский, который, очевидно, не имел силы выступить против двух ведущих психологических сообществ Союза, «не разглядел», что эти подходы противоречивы. Как раз наоборот:

«Следует подчеркнуть, что в этом смысле оба подхода не противоречат, а дополняют друг друга» (т.ж.).

Очевидно, это и было попыткой найти ответ на требования государственной педагогики. Что-то вроде того, что если у тебя просят рыбный суп, а у тебя есть только овощи и мясо, то не сварить ли их вместе, в надежде, что от «консолидации» рыба все же появится. Судя по оценкам Дружинина, не получилось. А какая была задумка!..

С другой стороны, а откуда взяться рыбе из совмещения того, в чем рыбы нет?!

Поэтому я полностью присоединяюсь к следующему высказыванию:

«В этой связи мы присоединяемся к высказыванию А.М. Матюшкина о том, что проблема конфликта между указанными подходами является надуманной» (т.ж.).

Что-то вроде того, что зачем драться за право первого заезда тем, кто не участвует в гонке?

Тем не менее, попробую вывести, что же понимали под способностями наши психологи той поры.

«Сильной стороной работ представителей деятельностного подхода является их активная, действенная направленность, стремление добиться значительного эффекта в развитии способностей в процессе формирующего эксперимента и специального обучения (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина, Л.А. Венгер). Вместе с тем представители данного направления фактически абстрагируются от проблемы индивидуальных различий в способностях, от изучения внутренних предпосылок способностей, отдавая предпочтение их внешней детерминации» (с.78-9).

«Что касается концепции индивидуальных различий, то представители этого направления получили большое количество фактов, характеризующих качественное своеобразие способностей (Э.А. Голубева, Н.С. Лейтес, Е.А. Климов). Вместе с тем исследователи пока еще не вышли на проблему практического формирования способностей, хотя ими созданы существенные предпосылки для решения этой задачи» (с.79).

Похоже, вопрос о том, что же изучается, уже не имеет значения. Психологи как-то понимают сами себя, и к черту подробности!

Далее в статье содержится множество интригующих намеков на связь способностей с работой высшей нервной системы, и перечисляются подходы к детерминации способностей. Но сама детерминация так и не случается...

Однако подробности, а точнее, исходные определения исследуемых понятий должны были где-то быть. Очевидно, в началах. Попросту говоря, очевидно, что к концу восьмидесятых этот вопрос уже давно был решен нашей психологией и воспринимался нашими психологами как некая очевидность. То есть без осмысления и сомнений.

Глава 3 Ранний срез. Мясищев. 1960

В 1960 году вышел в свет второй том «Психических особенностей человека» Ковалева и Мясищева. Как вы, наверное, заметили, эти авторы почему-то не упоминаются впоследствии среди тех, кто исследовал способности. При этом второй том так и назывался «Способности» и был подробнейшим учебником этой части психологии.

Возможно, это объясняется тем, что начинался он с многообещающего заявления, которое полностью противоположно тому, что можно назвать школой Дружинина, а значит, победившему в современной нашей психологии:

«Определившаяся в западноевропейской психологии тенденция исследовать психические явления эмпирически, без четкого определения теоретических основ и методологических принципов, приводит к обеднению науки» (Ковалев, Мясищев, т. 2, с. 6).

Далее от лица советской психологии шло обещание «определить свои методологические позиции», правда, методологической основой объявлялись диалектический и исторический материализм. Иначе говоря, задачей психологии было привязать свою науку к диа- и истмату.

Тем не менее, уже на первой странице делалась первая, краткая попытка определить, что такое способности:

«Способности личности представляют собой свойства природной организации человека, а эта последняя – продукт истории трудовой деятельности всего человечества» (т.ж.).

Определение, конечно, весьма спорное и уязвимое. Хотя бы потому, что определяются не способности как таковые и даже не способности человека, а лишь способности его личности. Но если исходить из того, что личность – это некое орудие, обеспечивающее человеку выживание в обществе, то далее определение становится довольно точным: природа личности общественна, а значит, способности личности развиваются как средства выживания в обществе, где они определяются той деятельностью, которой общество занято.

Одна неувязка, способности личности заявлены как «свойства природной организации человека». Это требует объяснений. Либо способности вообще – свойства человеческой природы. Либо и те способности, которые распознаются как личностные, тоже часть природных свойств, поскольку все личностные способности – часть общих способностей человека.

Что бы ни подразумевали авторы, очевидно одно: они не намерены в этой книге исследовать способности целиком, их предмет – те способности, которые нужны для воздействия на человека обществом, творящему весьма определенные личности своим членам. Однако кажущаяся размытость исходных положений есть всего лишь плохое владение точным рассуждением, а не утонченность мысли. Сами рабоче-крестьянские психологи очень хорошо знали, что такое «свойства человеческой организации»!

Поскольку психология должна быть научной, а значит, естественнонаучной, она обязана объяснять всю себя не из души, а из тела:

«Таким образом, развитие мозга и связанной с ним сенсорной организации человека, образование руки в процессе труда – вот те общие природные данные, обеспечивающие безграничные возможности творчества человека. Сформировавшиеся в процессе труда эти человеческие свойства и составляют основной фонд так называемых потенциальных сил или

способностей каждого индивида в самом широком смысле этого слова, ибо в каждом индивиде в его природной организации накоплены результаты развития человеческого рода» (т.ж.с.7).

Развитие мозга и связанной с ним сенсорной организации – это развитие высшей нервной системы. Следовательно, именно она является той средой, в которой возможны способности.

«Развитие способностей шло параллельно развитию и усложнению трудовой деятельности человека, производства материальных и культурных благ. По мере роста производства труд становился все более и более дифференцированным и естественно требовал не только специальной квалификации и производственного опыта человека, но и специальной способности или специальной приспособленности мозга, органов чувств и руки к требованиям определенной деятельности» (т.ж.).

По большому счету это точное научное рассуждение. Есть среда, которая определенно обеспечивает нашу деятельность. И от развития которой эта деятельность, ее успешность, столь же определенно зависят. Среда эта – наша нервная система. И если она накапливает некие качества, рождающиеся во время деятельности, то она точно может позволять нам в будущем использовать эти качества как основу для более сложной деятельности. В сущности, это есть описание способностей.

А марксисты не сомневались, что «в каждом индивиде в его природной организации накоплены результаты развития человеческого рода».

Все сходится! Тогда почему последующие психологи как-то обходят это открытие, скромно умалчивая о таком понимании способностей?

Либо это общее место, либо психофизиология не смогла дать ему подтверждений. Попросту говоря, физиологам так и не удалось показать, как в нервной системе накапливаются качества, становящиеся основой для способностей. Ведь случись такое, об этом раструбили бы на весь мир!

Между тем, эта чарующая вначале гипотеза вызывает сомнения. С одной стороны очевидно: некая среда во мне должна накапливать качество по мере того, как я упражняюсь, и сохранять его. А когда я рождаюсь еще раз, это качество проявляется, и я оказываюсь чуточку впереди остальных, кто не упражнял себя в прошлой жизни. И про меня говорят: у него явные способности к этому...

Вот беда! Человек – лишь тело, воплощаться заново он не может. Значит, качества должны накапливаться генетически, во всех представителях либо расы, либо того рода, который занимался определенной деятельностью. И ведь язык знает выражение: передается по роду. Но что передается? Культура, знания или генетическая предрасположенность к определенной деятельности?

Слышно ли что-нибудь о такой генетической предрасположенности, то есть о врожденных родовых способностях? Психологи старались доказать, что так и есть. Например, в роду Баха было много музыкантов. А вот в роду моего соседа-алкаша одни собиратели бутылок, это тоже генетическое приобретение? В общем, существует ли действительная генетическая предрасположенность к развитию определенных способностей, я не знаю.

Зато я знаю, что и в отдельно взятом роду, и во всем человечестве никакого равенства способностей нет. Два брата, даже близнецы, обладают разными способностями. И это сильнейшим образом подрывает и генетическую теорию, и теорию марксистского вульгарного материализма. По крайней мере, в качестве объяснительной основы для психологии способностей.

Между тем, Ковалев и Мясищев дают большую историческую справку на сорок с лишним страниц, рассказывая о том, кто и как делал психологию способностей, начиная от Христиана Вольфа, Локка и Гельвеция.

Из русских психологов помянуты... Белинский, Чернышевский и Добролюбов, а сразу за ними отец и идол нашей психологии способностей Френсис Гальтон. А за ним несколько десятков важных немцев и американцев. Очевидно, из них и вырастает советская психология способностей.

Ее авторы начинают с учителя Мясищева Лазурского. За ним следует Теплов, потом Рубинштейн и Лейтес. Последним исследователем способностей до самих авторов, похоже, был академик Ананьев.

Если уж и имеется где-то определение исходного понятия способностей, используемое нашей психологией, то в трудах этих отцов-начинателей.

Глава 4

Ранние учебники психологии

Учебники психологии, это еще не настоящая наука. Как и словари, они предназначены не для того, чтобы показывать поиск, а для того, чтобы насаждать то, что в науке называется парадигмой, то есть всеобщий договор сообщества о том, как оно видит свой предмет. Иными словами, учебники выкладывают то, что считается научной картиной.

Поскольку за фасадом из словарей и учебников идет действительная научная жизнь, где исследователи спорят, ошибаются, исправляют ошибки, учебники оказываются лишь отражением этой жизни. А потому меняются в соответствии с победившими представлениями. Поэтому они чрезвычайно хороши для культурно-исторического исследования психологии.

Вероятно, самыми первыми советскими учебниками психологии были «Учебник психологии, изложенной с точки зрения диалектического материализма» Корнилова, 1925 года, и «Краткий курс педагогической психологии» Выготского, 1926 года издания.

Учебник Корнилова был так называемой «реактологией», то есть учением о реакциях высшей нервной системы. В нем еще нашлось место политической агитации за пролетариат против мещан и буржуа, но способности в реакции никак не вмещались.

Выготский в то время только еще пришел в институт Челпанова, место которого занял Корнилов, и очень старался закрепиться. Поэтому этот его Краткий курс во многом есть подражание Корнилову и тоже наполнен реактологией. Выготский преодолел ее очень быстро, как только почувствует, что занял прочное место в психологическом сообществе, но способности его не интересуют.

Ковалев и Мясищев в 1960 году начинают историю советской психологии способностей с Теплова, отводя второе место Рубинштейну. Первый учебник с участием Теплова вышел в 1938 году. Написан он был в соавторстве с Корниловым и Шварцем. В нем появляется раздел, посвященный индивидуально-психологическим особенностям личности, который и будет впоследствии разрабатывать Теплов. Однако способности еще не упоминаются среди особенностей личности.

По-настоящему Теплов заговорит о способностях лишь в учебнике 1946 года, где им будет отведен 8-й раздел в одиннадцатой главе «Психологическая характеристика личности». Раздел этот имеет сложное название, которое я хочу особо подчеркнуть: «Способности и одаренность». Впоследствии одаренность полностью пропадет из психологии способностей.

Объяснить это можно, лишь вспомнив о роли Рубинштейна. Дело в том, что Рубинштейн, к тому времени уже академик, был ответственным редактором учебника Теплова. А сам он выпустил свой первый учебник «Основы психологии» в 1935 году, и там нет раздела посвященного способностям, зато есть целая глава «Учение об одаренности». В ней Рубинштейн

обоснует, почему одаренность не должна быть частью современной психологии, но об этом чуть позже.

Итак, Теплов, очевидно, ставший уже к этому времени основным теоретиком способностей. Начинает он этот раздел классично, с определения:

«Способностями называются такие индивидуальные особенности, которые являются условиями успешного исполнения какой-либо одной или нескольких деятельностей» (Теплов, 1946, с.209).

Я уже высказывал свое отношение к такому определению: индивидуальные особенности, по-русски – особенности личности, это способ описать личность и избежать определения собственно способностей. Началом определения способностей может считаться вторая часть определения: способности – это условия успешности деятельности личности. Но какова природа этих «условий»?

В следующем, 1947 году, Теплов издаст учебник психологии для средней школы. Очевидно, что он продолжал поиск. У меня нет первого издания этой работы, но в восьмом, вышедшем в 1954 году тот же раздел «Способности и одаренность» начинается с несколько иного определения:

«Способностями называют такие психические свойства, которые являются условиями успешного выполнения какой-либо одной или нескольких деятельностей» (Теплов, 1954, с.223).

Это явное движение к научности и первая попытка действительного определения предмета. Она может быть верной или не верной, но с точки зрения чистоты научного рассуждения она полноценна. И опровергнуть ее может только исследование действительности.

Итак, способности – это психические свойства. Совершенно очевидно, что это не просто психические свойства, к примеру, личности, что было бы тавтологией, но свойства психики. Именно психика является той средой, в которой зарождаются и живут способности. Именно воздействие на нее должно их пробуждать или раскрывать. Но тогда рассуждение с неизбежностью делает следующий шаг: что такое психика?

Если исходить из точного значения греческого слова психикос, то это нечто «душевное», то есть относящееся к душе. Естественники вынуждены были сохранить это упоминание о душе лишь в силу истории своей науки. Сами они понимали под психикой не душу, а нечто вполне вещественное и относящееся к нервной системе. Но не буду гадать, просто добуду определение у самого Теплова, благо, весь учебник начинается с «Общего понятия о психике».

Итак, способности – это свойства психики, а «под психикой понимаются наши чувства, представления, мысли, стремления, желания, хорошо знакомые каждому человеку по его собственному опыту...» (т.ж.с.3).

Что за бред?! Впрочем, понимаю: учебник писался для школьников и Теплов пытается быть популярным. Попросту, привирает, чтобы улучшить внимание малолетних дурачков. Игра понятная, но вполне чреватая опасностями и ловушками. В одну из них он тут же и попадает. Перечислив части психики, он вдруг заявляет:

«Человек является членом общества, и поэтому его психические свойства формируются под решающим влиянием общественных условий жизни» (т.ж.).

Это означает, что то, что только что было самой психикой, уже превратилось в свойства психики. И возникает вопрос: а способности названы свойствами психики по той же небрежности к точному рассуждению, или же Теплов действительно видит, что есть нечто, что может обладать подобными свойствами?

Безусловно, так. В учебнике 1946 года, написанном для взрослых, Теплов, опираясь на Сталина и прочих классиков психологии, объясняет, что понимание всего перечисленного как проявлений души, есть идеализм. А партийный ученый должен быть материалистом, почему и понимает психику как «продукт особым образом организованной материи».

«У человека и высших животных психика – продукт мозга. Мозг, а не бесплотная душа есть орган нашей психической жизни, носитель всех наших психических процессов: ощущений, представлений, мышления, чувств, воли» (Теплов, 1946, с.4). И, надо полагать, способностей.

Следовательно, если быть точным, способности – это свойства мозга...

Как-то не варится... Странно звучит даже для современной психологии, которая таким образом должна будет потерять свой предмет и передать его физиологии. Не зря она старательно уводит способности из ведомства нейрофизиологии в ведомство психологии личности.

Это исходное определение. Оно, безусловно, не раскрывает того, как Теплов в действительности понимал способности. Скорее, это способ защиты и покупка права работать. Но нельзя ли вывести лежащее в основе этого определения понятие, взглядевшись в то, как Теплов говорит о способностях?

Дав это официальное определение, он приводит примеры, которые повторяются у него из учебника в учебник:

«Способностью мы называем, например, наблюдательность, которая имеет большое значение в деятельности писателя, ученого, педагога. Способностью мы называем зрительную память, имеющую прямое отношение к работе художника-живописца; эмоциональную память и эмоциональное воображение, играющие большую роль в творчестве писателя; техническое воображение, необходимое в деятельности инженера или техника; музыкальный слух.

Способностями мы можем назвать те качества ума, которые составляют условие успешного выполнения многих видов деятельности» (Теплов, 1954, с224).

Очевидно, что точное рассуждение опять изменило Теплову. Способности сначала переклели из индивидуальных особенностей в свойства психики, что оказалось свойствами мозга, а теперь в качества ума. Но ум уж точно не есть мозг. И вряд ли кто-то из нейрофизиологов согласится, что он и есть психика. Ум как раз нечто, что, даже если обеспечивается работой мозга, к мозгу не относится и работает вне и вопреки мозгу, за что и был выкинут из предметов современной психологии вместе с разумом и рассудком. Признаться, что способности есть качества ума, это все равно, что признать существование души! Это психолог мог сделать только в отчаянии...

Тем не менее, примеры. Все, что описал Теплов, далеко не однозначно укладывается русским языком в высказывания про способности: у него есть способность к наблюдательности! Или: у него способность зрительной памяти! Однако при этом мы точно можем понимать все это как необходимые способности. Например: у него есть все необходимые способности для писателя: он наблюдателен, он тонко чувствует душевные движения и чувства людей...

С другой стороны, это все лучше было бы назвать не способностями, а задатками: у него есть все необходимые задатки для писателя, но нет способностей! Что означает, что действительные способности, нужные для того, что бы быть художником или писателем, Тепловым не названы. Произошла какая-то подмена. И он это, похоже, чувствовал, потому что в следующем абзаце начинает разговор о задатках:

«Совокупность тех задатков, которые составляют природную предпосылку развития способностей, называется одаренностью» (т.ж.).

И вот вопрос: способность – это тот же задаток, но развитый и раскрытый, или задатки – это некие дополнительные условия, обеспечивающие существование или работу способности? Если исходить из этого определения одаренности, то складывается ощущение, что одаренность есть природная предпосылка развития способности. Иначе говоря, способность вырастает из одаренности, а одаренность – это совокупность очень разных задатков, которые прямо в способность перерасти не могут.

Но это его определение, и вовсе не обязательно, что оно верно. По крайней мере, для меня одаренность выше способности. Это как бы особо выдающаяся способность, поскольку

способностями к музыке обладают многие, но выдающимися музыкантами становятся лишь люди одаренные.

Теплов уходит от всех подобных вопросов одним ударом меча по гордиевому узлу:

«Важнейшее значение среди задатков имеют те признаки, которые лежат в основе различия типов высшей нервной деятельности: сила, равновесие и подвижность процессов возбуждения и торможения. Поэтому одаренность человека теснейшим образом связана с его врожденным типом высшей нервной деятельности» (т.ж.).

Вероятно, врожденный тип высшей нервной деятельности, если понимать под ним силу, равновесие и подвижность процессов возбуждения и торможения, кому-то облегчает раскрытие способности, а кому-то затрудняет. Но как это может стать даром?

Допускаю, что человек, собравшийся раскрыть в себе некую важную и труднодостижимую способность, должен сначала научиться управлять своей нервной системой. Думаю даже, что это соответствует начальным ступеням йоги Патанджали, обучающим управлять собственным умом и умирять мысли. Иными словами, работа с собственной нервной системой необходима при раскрытии способностей.

Но что такое способности?

Глава 5 **Ранний Рубинштейн. 1935**

Теплов, конечно, считался основателем нашей психологии способностей, но, насколько я могу судить, первым из наших советских психологов о способностях заговорил Сергей Леонидович Рубинштейн в 1935 году, когда выпустил пособие для высших педагогических учебных заведений «Основы психологии». Через пять лет он его переделает и сильно изменит, но в 1937 году ему за эту книгу без защиты была присвоена ученая степень доктора педагогических наук.

Тем не менее, сам Рубинштейн, очевидно, не был доволен этой работой, почему я и отношу ее к раннему периоду его психологического творчества. В ней будет пересмотрено многое, в том числе и все, что относится к способностям. Но начиналась наша современная психология способностей именно с этой книги, точнее, с ее восемнадцатой главы «Учение об одаренности».

Вся последующая ранняя наша психология, следуя Рубинштейну, говорит не просто о способностях, а о способностях и одаренности. Преодолеть это устойчивое сочетание понятий удастся только к шестидесятым годам, то есть с преодолением всего сталинизма.

Впрочем, Рубинштейн говорит еще почти исключительно об одаренности. Способности упоминаются в его речи случайно.

Сразу надо отметить, «Учение об одаренности» отнесено Рубинштейном вместе с учением о характере к психологии личности. Верно ли это?

Боюсь, не более верно, чем определение способностей как особенностей личности. Это значит, что о личности, конечно, можно говорить и через способности. Определенно, одна личность отличается от другой, и описывать эти отличия можно и как отличия в способностях. Но является ли личность средой или природой способностей? Или же она есть лишь сцена, на которой способности являют себя?

Не надо забывать, для Рубинштейна, как и для всех марксистов, психология была важна лишь как орудие управления массами, поэтому Рубинштейн и получил за «Основы психологии» доктора педагогики! Личность – это единица общества, личность творится обществом и подстраивает себя под общество. Если мы хотим, чтобы строй был крепким, надо создать крепкое общество, а для этого надо, чтобы входящие в него личности делали то, что требуется.

Но если вдуматься, личность – весьма вторичное явление. И то, что она так легко творится обществом, только подтверждает то, что личность почти не имеет отношения к природе

человека. Точнее, она может быть средством, с помощью которого эту природу можно разглядеть. Более того, личность закономерно рождается из этой природы, значит, в ней видны законы устройства человека и законы нашей природы.

Но природа в основе. Именно там, где коренится и личность, и способности. Марксисту, как, впрочем, и империалисту, удобно рассматривать способности в рамках личности, поскольку они решают заказ, как сделать человека управляемым или покупающим. И они изучают орудия управления.

А если попробовать делать науку ради науки? Или, чего уж совсем не может позволить себе академический психолог, познать себя?!

Тогда способности – это нечто настолько глубинное, что появляется ощущение, что личность рождается на гораздо более позднем этапе развития...

Как бы там ни было, но Рубинштейн был зачинателем разговора о способностях в советской психологии. В этом он был не свободен от своей культуры, и вынужден был взять само название – учение об одаренности – от предшественников, а содержание у зарубежных психологов. Но все это надо было как-то срастить с марксизмом. Ему трудно. Он плохо понимает, что пишет. И он этого не скрывает.

«Понятие одаренности не получило общепризнанного определения. Наибольшим распространением пользуется определение Штерна. Он формулирует его следующим образом: «Одаренность – это общая способность индивидуума сознательно устанавливать свое мышление на новые требования; это – общая способность психики приспособления к новым задачам и условиям жизни»» (Рубинштейн, 1935, с.477).

В действительности Штерн вовсе не говорит об одаренности, он говорит о Begabung, которое переводят с немецкого как дарование, талант. Но и талант – слово не русское, так что это вовсе не перевод. И это тем более не работает, если действительно говорить о Понятии – о понятии одаренности. Слово может переводиться точно, не точно и приблизительно, чтобы дать намек на понятие, из которого исходит автор.

Чтобы понять, каково же понятие Штерна, которое он обозначает именем Begabung, надо было проделать с ним то же самое, что я сейчас проделываю с самим Рубинштейном, попытаться понять, а что он понимает под словом одаренность. Я хочу этим сказать, что даже русскоязычного автора русскоязычному читателю понять совсем не просто, а Рубинштейн запросто понял немца, да еще такого не простого и противоречивого, как Штерн.

В итоге Рубинштейн вынужден тут же сам разбить собственную уверенность в том, что определение Штерна так уж просто понять:

«Оно нашло своих критиков: Спирмена, направившего свои возражения против «приспособления» и против телеологичности штерновского определения, Торндайка и др. Но определение, данное Штерном, является во всяком случае очень показательным для современной трактовки проблемы одаренности. В нем намечено далеко не во всем приемлемое решение основной проблематики одаренности» (т.ж.).

Нет никакой уверенности, что определение Штерна вообще было понято. Нет никакой уверенности, что психологи разных стран говорят о том же. Тем более нет уверенности, что они одинаково понимают «приспособление» и все остальные понятия, входящие в определение Штерна. И, тем не менее, из этого получается чудесный спор, из которого и рождается наука, если забывает об истине.

Далее Рубинштейн приводит собственные соображения, и вот они-то как раз обладают ценностью, потому что он перестает догонять и перегонять Америку, а пытается думать. А это лучшие двери в чудо!

«Одаренность – мало удачный термин для обозначения практически весьма значительной и теоретически очень сложной проблемы. Он как будто предопределяет – и предопреде-

ляет неправильно – ответ на одну из узловых антимоний, с которой связана современная трактовка проблемы одаренности.

Одаренность – это как бы дар, который человек получает и который изначально есть то, что он есть, независимо от того, что человек сам из него делает – нечто врожденное, наследственно предопределенное.

Обреченной на постоянный конфликт с фактами была бы всякая теория, которая пыталась бы вообще отрицать значение наследственности для одаренности и считать ее независимой от биологических особенностей организма, обусловленной исключительно социальными условиями среды. Механистическая ламарковская концепция одаренности несостоятельна» (т.ж.).

Вот оно чудо! Стоило только заглянуть в родной язык, и все здание естественной науки посыпалось. Причем, в устах искреннего марксиста, который лишь захотел быть точным по рассуждению. Но как после этого жить?! Ведь придется задаться вопросом, ЧЕЙ ЭТОТ ДАР?! КТО ДАРИТЕЛЬ?!!

И он принимается подхватывать падающие кирпичи и рассовывать их по прежним местам, лишь подмазывая свежим раствором из марксизма и естественности, стараясь сростить ДАР с биологией организма:

«К одаренности применимо то же, что и к характеру, вообще ко всем психологическим особенностям личности: биологические особенности организма являются реальными, но частичными условиями одаренности. Зависимость между ними многозначна. Если одаренность – дар, то это дар, значение которого отчасти определяется тем, что человек из него делает.

Биологические свойства организма, сами по себе взятые, вне определенных социальных условий развития, не имеют своего особого, однозначно определенного представительства в психике – как не имеют их сами по себе, безотносительно к биологическим условиям взятые, социальные условия. Одни и другие входят в единую систему условий, определяющих построение личности; биологические условия в ней опосредованы социальными.

О д а р е н н о с т ь является функцией всей этой системы условий в ее единстве, функцией личности» (т.ж.с.477-8).

Исходно функция – это переменная величина, зависящая от другой, произвольно изменяемой величины. Что значит, что есть Хозяин, который и меняет функцию по своему усмотрению. Есть Даритель, который и дарит. И кто же он? Система био-социальных условий, определяющих построение личности, а чтобы попроще, сама личность себе и дарит свой ДАР!

А унтерофицерская жена сама себя сечет...

Рубинштейн честно сделал исходное заявление: можно, конечно, ковыряться в русских понятиях, вроде одаренности, но тогда невольно попадаешь в магию русского языка, которая скрывает в самих русских понятиях некое очевидное решение. Но решение это далеко не во всем приемлемое! А точнее, совсем не приемлемое, если психология хочет быть естественной наукой!

«Одаренность означает внутренние возможности развития личности, соотнесенные с условиями ее развития» (т.ж.с.478).

И хватит об этом! Разве что добавим кое-какие черточки:

«Одаренность выражает внутренние возможности развития, – не организма как такового, а личности. Она обусловлена всей ее историей и варьирует на различных этапах ее развития.

Однако, если одаренность выражает внутренние особенности личности, то к ней в полной мере применимо основное положение, определяющее всю нашу психологию: внутреннее всегда опосредовано внешним и неопределимо в отрыве от него» (т.ж.с.479).

Поганое это словечко «одаренность» все же заставляет психолога задумываться и мучаться: ну, никак не получается получить дар от организма, что для естественника не более, чем тело. Естественники придумали это словечко – организм, – чтобы объяснять то, что из тела не выводится, но в жизни существует. Иными словами, организм – это иное имя для души, но: т-с-с-с!..

Вот пока ты понимаешь, что организм – это нечто сверх тела, то есть душа, то одаренность возможна. Но стоит только стать строгим в рассуждении и четко заявить, что обязан сделать настоящий психолог, что души нет, то остается только тело. Тогда дар получать не от кого, и приходится что-то придумывать.

А тут подворачивается личность. Она же не тело! Значит, может быть заменой и организма, и души. И может дарить дар. Стоп! Это мы уже проходили. Это было в исходном определении. А оно было аж на предыдущей странице. На той странице дар дарили. А на этой странице личность – это тот, кто дар получает. Откуда?

Да ведь все просто! Из внешней среды! Внутреннее личности, не кишечника, конечно, опосредовано внешним! Хотя и в кишечнике все то же самое...

Да бог с ним! Впрочем, Бога нет, как и Дара, ну их к Ламарку! Вместе с умом, разумом и рассудком. Надо просто найти какое-то имечко, которое снимет все сложности, как мышление у Введенского, заменившее все, кроме интеллекта.

И вот трудно и не очень осознанно рождаются способности:

«В конечном счете специальная одаренность включает в себя соотношение внутренних психических условий с требованиями специальных видов деятельности. Это соотношение одаренности с конкретной деятельностью является не только абстрактным соотношением, а реальной связью, обуславливающей самое формирование одаренности.

Специальные способности определяются в отношении к отдельным социальным областям деятельности» (т.ж.с.480).

Даже не хочу вдаваться в само понятие специальных способностей, пока мне достаточно, что это выражение чрезвычайно естественно замещает у раннего Рубинштейна такую неудобную одаренность. Просто палочка-выручалочка для академического психолога.

Зрелый Рубинштейн избежит этих сложностей тем, что будет сразу говорить не об одаренности, а о способностях.

Глава 6 Зрелый Рубинштейн. 1940-46

Рубинштейн осознанно считал «Основы психологии» не философско-психологическим трактатом, а учебником для будущих психологов. Как говорят его биографы, он «закладывал теоретические основы психологии будущего» и готовил кадры. Понятно, почему ему была присвоена степень доктора педагогических наук. А в 1943 году он становится членом-корреспондентом именно Академии педагогических наук.

Однако сам он хотел большего.

«Не дожидаясь выхода в свет этого учебника, он садится за написание следующего – «Основ общей психологии». И если первые «Основы психологии» все годы прошедшие с момента их издания, служили единственным учебным пособием в университетском преподавании психологии, то новая книга «Основы общей психологии» становится средоточием научной жизни всей советской психологии – учебной, организационной, исследовательской.

В этом труде он (как отмечается в одной из рецензий) впервые всесторонне и обоснованно представил психологию как относительно законченную систему в свете материалистической диалектики» (Биография, с.38).

Иными словами, если и были в нашей психологии другие борцы с душой, никто не сделал больше для ее изгнания, поскольку по Рубинштейну учились все российские психологи, и до сих пор основные школы нашей психологии рубинштейновские. Вероятно, потому, что никто из наших психологов не мог быть столь систематичен и не выкладывал столь целостную и непротиворечивую картину этой науки.

Судьба Рубинштейна далее была яркой. Начало войны он проводит в Ленинграде, откуда уезжает в 1942-м *«командиром специального эвакуационного состава, вывезшего из Ленинграда большую группу ученых»* (т.ж.).

В Москве он тут же назначается директором Института Психологии АПН СССР, академиком и создает кафедру психологии в Московском государственном университете, куда *«приглашает А.Н.Леонтьева, А.Р.Лурия, ученицу К.Левина Б.В.Зейгарник, П.Я.Гальперина и др.»* (т.ж.с.39).

Все прекрасно складывалось, но...

«В 1947 и 1948 годах начались гонения на Рубинштейна и многих других советских ученых. Его обвинили в космополитизме, в преклонении перед иностранщиной, в недооценке отечественной науки и культуры» (т.ж.с.41).

Под обвинением в космополитизме скрывалась очередная волна сталинских репрессий, которым теперь подверглись евреи, занявшие за время войны слишком много важных мест. Был ли Рубинштейн повинен в таком, условно говоря, захвате психологии, не мне судить, но вот то, что он, подобно Выготскому, действительно преклонялся перед западной наукой и ненавидел русских предшественников, доказывать не надо.

Правда, их ненавидели все советские психологи, и никто из них не ссылался и даже не поминал русских предшественников... Наказывая Рубинштейна, советская власть секла саму себя и не за космополитизм, а за диалектический материализм.

Как бы там ни было, Рубинштейн выпустил первое издание своего главного труда в 1940 году, а в 1946 издал его второй раз, дополненным. Я буду излагать его понимание способностей по изданию сорокового года, сличая с изданием 1989-го.

В 1940-м году одаренность ушла на задний план, а способности он отнес к психологическим свойствам личности, посвятив им девятнадцатую главу, которая теперь так и называлась «Способности». Во введении ко всему разделу даны исходные рамки, в которых полагается понимать способности:

«Все психические процессы, с изучения которых начался наш анализ психического содержания деятельности человека, протекают в личности, и каждый из них в своем реальном протекании зависит от нее» (Рубинштейн, 1940, с.514).

Если вдуматься в это высказывание, то станет очевидно, что нечто, названное психическими процессами, зависит от личности, но зависит лишь «в своем реальном протекании». Иначе говоря, от моей личности не зависит, есть ли у меня способности, но зависит то, как я их буду раскрывать и даже, какие из них я изберу раскрывать. Вероятно, зависит и успешность раскрытия.

Именно это подтверждает Рубинштейн, говоря дальше:

«Зависимость психических процессов от личности выражается, во-вторых, в том, что они, как показал наш анализ их развития, не имеют самостоятельной линии развития: их развитие оказывается зависимым от общего развития личности» (т.ж.).

Это точное рассуждение, к тому же, на мой взгляд, соответствующее действительности. Сомнение появляется лишь, когда Рубинштейн превращает личность в нечто, от чего зависит уже не раскрытие способностей, а они сами:

«Тот факт, что психические процессы человека суть функции личности, выражается, в-третьих, в том, что они у человека не остаются только процессами, совершающи-

мися самотеком, а превращаются в сознательно регулируемые операции, которыми личность как бы овладевает и которые она направляет на разрешение встающих перед ней в жизни задач» (т.ж.).

Все верно. Но что значит, «психические процессы» – функции личности? Меня это настораживает, поскольку положено в основание всего рассуждения. И если здесь ошибка или ложь, искажение накопится.

И действительно, всего через пару страниц личность оказывается уже в совсем ином отношении к способностям:

«Способности квалифицируют личность как субъекта деятельности, будучи принадлежностью личности, способность, конечно, сохраняется за личностью как потенция и в тот момент, когда она не действует» (т.ж.с.536).

Личность, оказывается, не использует способности, раскрывая их и развивая, она ими владеет. Но это означает, что она и есть та среда, которая порождает способности, и в которой они существуют. А это сомнительно. Тем не менее, что говорит об этом сам Рубинштейн?

Итак, способности. Тут Рубинштейн блещет красотами рассуждения, причем, не сомневаясь в собственных построениях, поскольку они не были изменены до последнего издания. Стоит вчитаться, тогда многое будет понятно с этим мыслителем.

«Термин способности употребляют в житейском обиходе очень широко; в психологической литературе им немало злоупотребляли. Так называемая «психология способностей» сильно дискредитировала это понятие. Наподобие мольеровского ученого врача, который «объяснял» усыпляющее действие опиума тем, что опиум имеет «способность» усыплять, эта психология объясняла любое психическое явление тем, что приписывала человеку соответствующие «способности».

Способности, таким образом, в ученом арсенале этой психологии служили нередко для того, чтобы избавиться от необходимости вскрыть закономерности протекания психических процессов» (т.ж.с.533).

После такого решительного вступления ожидается, что автор сейчас положит конец произволу в использовании понятия «способности», даст ему четкое определение, и больше ни одна психологическая сволочь не сможет мольеровски издеваться над способностями, дура людей тем, что способность есть способность к чему-то!

И действительно, решительности у сочинителя в достатке:

«Поэтому современная научная психология выросла в значительной мере в борьбе против психологии способностей. «Функция» тоже нередко трактовалась как такие способности; это в свою очередь означало, что способности трактовались как органические функции и в связи с этим рассматривались как некие первичные, природные, преимущественно врожденные особенности.

В виду этого, прежде чем вводить понятие способности в систему психологической науки, необходимо точнее очертить его истинное содержание» (т.ж.).

Из всего этого бреда я однозначно понимаю только то, что современная научная психология выросла в борьбе с психологией способностей. Поскольку Рубинштейн пишет о способностях первым из советских психологов, значит, он имеет в виду как раз ту самую иностранную науку, за связь с которой его скоро объявят космополитом.

Тем не менее, очень желательно было бы ввести понятие способности и даже дать ему определение. Это похвально и возбуждает. Но дальше он, вместо этого, вводит различие между задатками и способностями, привязывая их к телу и нервной деятельности.

«Различия между людьми в задатках заключаются прежде всего в прирожденных особенностях их нервно-мозгового аппарата – в анатомо-физиологических, функциональных его особенностях...

Между задатками и способностями еще очень большая дистанция; между одними и другими – весь путь развития личности» (т.ж.).

Из этого становится ясно, что Рубинштейн устраняет «проблему способностей» просто: он переносит все содержание понятия «способности» в задатки, а сами способности превращает в нечто простое, вроде их использования личностью. Из этого «очерчивания содержания» способностей и рождается то классическое их определение, которое использовал Дружинин через полвека, чтобы показать, чем была психология Рубинштейна. Дружинин лишь слегка подчистил его, убрав уж слишком очевидные несуразности, вроде излюбленных Рубинштейном функций:

«Способность развивается на основе различных психофизических функций и психических процессов. Она – сложное синтетическое образование, которое включает в себя целый ряд данных, без которых человек не был бы способен к какой-либо конкретной деятельности, и свойств, которые лишь в процессе определенным образом организованной деятельности вырабатываются» (т.ж.с.535).

Звучит, как профессиональное шарлатанство современных гениев информатики. Понять нельзя, и даже запомнить не удастся. Но дальше еще ядреней, дальше сплошной Мольер!

«Деятельность человека – это, говоря конкретно, трудовая деятельность, посредством которой человек в процессе исторического развития, изменяя природу, создает материальную и духовную культуру.

Способности человека – это, в конце концов различные проявления, стороны его способности к освоению достижений человеческой культуры и ее дальнейшему продвижению.

Способности человека – это проявления, стороны его способности к обучению и к труду. Означая способность к труду и обучению, способности человека в обучении и труде формируются» (т.ж.с.536).

Деятельность – это трудовая деятельность, а способности – это проявления способности...

Единственное, что хочу отметить как заслугу Рубинштейна, утверждение о том, что способности не есть знания и умения, хотя и переходят в них, очевидно было высказано им раньше Теплова, которому оно приписывается.

Но мысль о том, что у меня есть способности, потому что я обладаю способностью к способностям, потрясает меня настолько, что я вынужден прерваться...

Глава 7

Учебники хрущевской оттепели

С 1953 по 1964 страна пережила освобождение от культа личности Сталина и даже получила доступ к тому, что делалось за рубежом. Тем не менее, марксизм остался правящей, революционной идеологией, поэтому Запад был к нам допущен, но прежняя Россия нет.

Естественно ожидать, что психологи тоже как-то перестроились и стали свободней. Но одно дело политика, и другое – такая искусственно придуманная наука, как психология. Создав однажды трудами Рубинштейна условно непротиворечивую картину самой себя, психология страшно боялась трогать это неустойчивое сооружение и поддерживала с таким трудом сотворенную ложь. Может быть, в психологии способностей все было иначе?

В 1955 году вышло второе издание учебника для педучилищ, написанное А.В.Запорожцем в начале пятидесятых и удостоенное в 1952 году премии Ушинского. Очевидно, что Запорожец тоже был занят тем, как воздействовать на строителей социализма.

Способностям отведен третий параграф четырнадцатой главы «Психологическая характеристика личности». Назывался он еще традиционно: «Способности и одаренность». Спо-

способности исходно были отнесены к «числу психических свойств, характеризующих личность» (Запорожец, с. 177).

Свойств чего? Психики или личности? Это не уточнялось. Но можно было понять из определения:

«Способностями называются отдельные психические свойства, являющиеся условиями успешного выполнения какой-либо одной или нескольких деятельностей» (т.ж.).

Запорожец, конечно, старался уйти от классических образцов, заложенных Рубинштейном, но получалось это как-то колхозно:

«Способностью мы называем, например, музыкальный слух, который необходим в деятельности композитора, или наблюдательность, которая имеет важное значение в деятельности колхозника, ученого, писателя, педагога» (т.ж.).

Далее шло заявление, которое теперь я однозначно раскусываю как борьбу с прежней психологией способностей:

«Способности не даны человеку в готовом виде, от рождения – они формируются в зависимости от условий жизни и воспитания.

Только неутраченные научные исследования могут развить способности ученого» (т.ж.).

Высказывание весьма спорное и, скорее всего, неверное. Спорить с ним скучно, потому что приходится раз за разом приводить избитые доводы, вроде того, что вот у Рубинштейна была способность писать учебники, а Запорожец столько писал, столько воспитывал себя, да вот способностей малость не хватало...

Скучно повторять и то, что наши психологи как-то потрясающе не заинтересованы в точном рассуждении и не уважают русский язык. Ведь стоило прислушаться к собственному высказыванию и стало бы очевидно: чтобы развить способность, ее надо уже иметь, пусть неразвитой.

Далее Запорожец вполне приемлем, и если не придирается к гнилым основаниям, остальное рассуждение течет точно:

«Большое значение для развития способностей имеет формирование интереса к соответствующей деятельности» (т.ж.с.178).

Иначе говоря, если у тебя есть способность к чему-то, ее можно развить, но для этого нужен интерес и усилия, попросту говоря, над ней нужно работать, что и отразится в соответствующей деятельности. Чем больше ты занимаешься тем, к чему у тебя способность, тем лучше ты в этом становишься.

В 1956 году вышел учебник для средней школы Фортунатова и Петровского. Он тоже по сложившемуся обычаю относил способности к психологическим характеристикам личности. И определение способностей также было вполне традиционным и вполне не определением:

«Способности – это такие индивидуальные особенности человека, которые при прочих равных условиях обеспечивают успешное выполнение какой-либо одной или нескольких видов деятельности» (Фортунатов, с.119).

Далее рассказывалось, в чем проявляются способности (в быстроте и легкости приобретения знаний и умений), что они могут быть большими или меньшими, но что такое способности сами по себе, пожалуй, можно было понять лишь косвенно вот из такого вызывающе противоречивого высказывания:

«Способности как индивидуальные особенности функционирования центральной нервной системы не являются врожденными, унаследованными, неизменными качествами. В ходе жизни человека врожденные особенности центральной нервной системы (задатки) развиваются...» (т.ж.с.120).

В 1962 году был издан программный учебник хрущевской оттепели, под редакцией самых видных представителей психологического сообщества: Смирнова, Леонтьева, Рубинштейна, Теплова. В его создании приняли участие самые крутые психологи Союза. Главу о способностях писал Натан Лейтес, до этого один из соавторов Теплова.

Можно сказать, что в этом сочинении были высказаны программные положения советской психологии той поры. Поэтому все высказывания узнаваемы, они есть не поиск, а закрепление уже устоявшейся парадигмы в неуязвимых, отточенных речениях.

«Способностями называют такие психические свойства личности, которые являются условием успешного выполнения определенных видов деятельности» (Смирнов, с.466).

Действительно, какая утонченная игра мысли: способности – это не психические свойства и не свойства личности, а психические свойства личности! Как если бы у личности в рамках психологии возможны и непсихические свойства!

Или гладкость соединения слов, за которыми стоят несочетаемые понятия: свойства, являющиеся условием! Свойства – это некоторое природное явление. А условия – часть искусства спора или рассуждения. Эти два понятия в природе вместе невозможны. Как если бы мы посчитали, что камни – это условия творения горных хребтов. Бузина всегда в огороде, а дядька в Киеве, но только не для психологов. Условия успешности личности оказываются скрыты в психических свойствах, а не в правилах поведения и общественных договорах. Почти естественная наука!

«Способности всегда рассматриваются с точки зрения выполнения какой-нибудь деятельности» (т.ж.).

Вот ведь незадача! Ну, почему они раньше не сказали, как надо себя вести правильным мальчикам и девочкам, когда они входят в Психологию?! И я бы тоже так всегда рассматривал способности. А так у меня нарабаталась дурная привычка рассматривать способности с точки зрения их природы.

Научная парадигма, а этот учебник был ее изложением, есть договор свойства, то есть договор, приняв который, можно стать своим. И только так. Поэтому те, кто изучал психологию в ту пору, должны были исходно принять: способности всегда рассматриваются с точки зрения выполнения какой-нибудь деятельности! Остальные могут сразу пройти в партком!

Далее чеканно закреплялось смутно высказанное Рубинштейном разделение способностей на виды:

«Различаются более общие и более специальные способности» (т.ж.с.467).

Вообще-то, это бред. Если, конечно, идти от задачи понять, что такое способности, и раскрыть в себе что-то желательное. Но зато это очень важное условное упрощение предмета, пример анализа: берем нечто цельное и неделимое и для простоты разговора делим его на несколько обозримых частей. К примеру, берем кита и делим на хвостовую часть и грудную. И нам легче сдавать экзамены, потому что теперь не обязательно говорить обо всем ките. Можно даже не учить целиком, авось попадет вопрос с выученной половиной...

Про экзамены я не случайно, завершился параграф с общим понятием о способностях странным для психологического учебника восклицанием:

«Одна из важнейших задач политехнического обучения – всемерно развивать богатство человеческих способностей. Всестороннее развитие способностей детей – одна из основных задач коммунистического воспитания» (т.ж.).

Очевидно, психологи выполняли госзаказ и учили как лучше точить винтики общественной машины.

Далее повествовалось об общественно-исторической обусловленности способностей, где говорилось, что способности людей – продукт истории. В сущности, в этом разделе способностям отказывалось в каком-либо самостоятельном существовании:

«Понятие «способности» не имеет смысла без соотнесения его с конкретными, исторически развивающимися формами трудовой деятельности. Оно полностью зависит от того, какие социально значимые виды деятельности сложились в данную эпоху и что понимается под успешным выполнением деятельности» (т.ж.с.467-8).

Это было сделано чудовищно точно по рассуждению: раз способности – условия успешности деятельности, значит, без деятельности и успешности их и нет совсем! Но точность этого рассуждения обеспечивалась утверждением более высокого порядка, которая правила всем: а иные способности, кроме тех, что обеспечивают деятельность советских людей, нам не нужны, почему их и не существует!

Чтобы убедительность этих утверждений не была уж столь подавляющей, предложу задаться вопросом: а способность поддерживать ровное или душевное состояние – это тоже успешность? Или это деятельность? Или это еще один вид способностей, которые просто не интересовал наших психологов?

Учебник далее закреплял в качестве парадигмальных дозволенные темы исследований: способности и задатки; способности, знания, умения; способности и склонности; индивидуально-типологические различия в способностях и даже развитие и воспитание способностей.

С тех пор эти темы стали рамками для защиты диссертаций и сильно разрослись в объеме и количестве бойцов, готовых стоять на их защите. Думается мне, защищены сии бастии многократно и надежно, непонятно только, от кого? Ведь никто и не нападал. Все только защищали...

Глава 8

Способность – это пригодность

Сообщество психологов живет и стареет строго по законам социальной психологии. А социальная психология, то есть психология социумов, сообществ, ближе всего не к науке о душе, а этологии, к науке об этосах, которую иначе называют зоопсихологией. Этосы живут как большие и примитивные существа, вроде великанов.

Они грубы, прожорливы и не озабочены нашими нравственными сложностями. Для них отдельный член сообщества ничего не значит, он должен все сделать, чтобы его сообщество победило и, если нужно, отдать за него жизнь. Для подготовки сознания людей заключаются множественные договоры свойства, на основе которых начинает работать мышление свойства, то есть особый вид мышления, которым обладают только свои. По нему они и распознаются остальным сообществом.

Но психология – это не личное дело сообщества психологов. Это наука, к тому же о душе, что значит, ею может обладать каждый. Поэтому сообщество неоднородно. К тому же, законы стаи предписывают расслоение внутри сообщества. Есть высшие, которые занимают место вокруг трона, есть средние, которые допускаются к княжескому Велик-столу на пиры, то есть имеют право получать свою пайку из общественной кормушки. И есть остальной психологический люд.

Верхушка, или правящая часть нашего психологического сообщества, всегда находилась в Москве, хотя тот же Ленинград мог с этим спорить. Как-то признается Ярославская школа, наверное, в силу своего географического положения нейтральной полосы между двумя лагерями. Есть ли психологи в других городах? Вопрос сомнительный. Спроси кого-нибудь из правящей верхушки, и он будет шевелить бровями, морщить лоб и, наконец, вытянет из сумрака пару имен, приговаривая: “Ну, как же, как же! У меня защищались...”

Но вот вопрос на засыпку: а есть ли психологи в Ташкенте?

Любой профессионал из сообщества в советское время запросто мог ответить: “В Ташкенте психологов нет!” Конечно, при этом подразумевалось, что людей с дипломами психологов там не мало, но Психологов, то есть допущенных делать науку, безусловно, нет. Для этого надо жить в Москве, ну, немножко в Питере...

Однако в Ташкенте в 1964 году некто Платон Иванович Иванов издал учебник «Общей психологии», который не редактировали ни Рубинштейн, ни Теплов. Вероятно, Платон Иванович читал великих, поэтому он сразу оговаривается:

«Личность со всеми ее индивидуальными особенностями, проявляется в деятельности. Среди других сторон личности здесь наиболее ярко проявляются способности и интересы человека» (Иванов, с.422).

Но после этого он несет сущую ересь, которую не пропустил бы ни один из посвященных сообщества. Он пытается самостоятельно делать науку! Живи он в Москве, и ему такая дерзость не пришла бы в голову, поскольку голова его была бы занята тем, как занять место в сообществе, а не наукой:

«Способность – это пригодность человека к той или иной деятельности» (т.ж.).

Где родился, там и пригодился, говорит народ. И вообще, это определение гораздо ближе к определениям из словаря Даля. Выводится, правда, оно путем строгого рассуждения из наблюдений: *«деятельность одних отличается большей продуктивностью, деятельность других – меньшей продуктивностью... По этим особенностям деятельности людей мы судим об их способностях» (т.ж.).*

Не знаю, хотел ли Иванов идти своим путем, или расстарался, чтобы быть правовернее пророка, но он целиком привязан к тому, как заставить людей трудиться, как если бы кроме труда у советского человека ничего больше нет. Это вполне естественная ловушка рассуждения, если основание неверно. А основания рассуждений бывают неверны тогда, когда не сделаны достаточно точные наблюдения за действительностью и бытованием изучаемого явления.

«Всем людям свойственны все человеческие способности, каждый человек в той или иной степени пригоден ко всем видам деятельности, но в то же время большинство людей бывает наиболее пригодно только к нескольким видам или даже одному виду деятельности.

Степень проявления способностей в тех или иных видах деятельности характеризует индивидуальную особенность данного человека» (т.ж.с.423).

Могу ошибаться, но сквозь его слова для меня мерно гудит государственная машина, потребляющая людей для своих нужд еще со школьной скамьи. Тем не менее, Иванов определенно идет своим путем. Он то ли не принимает общих подходов, то ли их плохо усвоил:

«В способностях человека проявляются и его природные особенности. Такие природные особенности личности, которые, развиваясь, проявляются в способностях человека, называются одаренностью» (т.ж.).

Прирожденное – сомнительно для марксистского психолога, а тут еще природное в способностях!

А Иванова и совсем несет:

«В способностях и одаренности проявляется ум (интеллект) человека, а именно: степень развития восприятий и наблюдательности, памяти, воображения, мышления и речи» (т.ж.). И дальше еще про ум и как он работает! Да, к тому же, запишав в него мышление, что уж совсем еретический взгляд!

Боюсь, Иванов все же не зря творил в Ташкенте, где психологов не бывает, хотя могут быть графоманы и от психологии.

Только что помянув природность чего-то в способностях, он тут же скатывается в коммунистическую агитацию и пропаганду и поливает из всех орудий «представителей реакционной буржуазной психологии и биологии, которые «для доказательства незыблемости

капиталистического строя выдвинули ложное учение, согласно которому развитие дарования и способностей людей зависит не от условий их общественной жизни, а от «неизменной» (с их точки зрения) наследственности. Эти реакционеры от науки...» (т.ж.с.426).

Как же удалось такому человеку сделать шаг влево или вправо и сказать не так, как все: способность – это пригодность? И нет ли за этим подсказки?

Вот определение из словаря Стояна 1913 года:

Способный 1) могущий, годный. Склонный, обладающий возможностью. 2) талантливый, одаренный...

А вот Даль:

Способность качество по прилагательному способный. Распорядись по способностям, как будет способнее. Способный, годный к чему-либо или склонный, ловкий, сручный, споручный, пригодный, спопутный, удобный...

Народ наш, определенно, оценивал способности человека именно через дела, к которым этот человек может быть годен. Но если идти этим путем, само понятие «способность» оказывается ложным, искусственно достроенным, исходя из ожиданий. Что-то вроде того, что если про человека говорят, что он способный, то должно быть и соответствующее существительное. Вот и создали способность.

А была ли она? Может быть, была только оценка, выражающаяся в прилагательном, и не было никакого существительного? А значит, не было и никаких особых способностей, которые можно изучать.

Но ведь один человек лучше делает то же дело, чем другой. А от способностей ли это зависит? Может быть, от желанья? Или от отсутствия помех? Был ли мальчик? Была ли черная кошка в этой темной комнате?

Глава 9

Способности развитого социализма

Наряду с уже известными теоретиками способностей, в этот период выдвигаются и новые, например, Вадим Андреевич Крутецкий. В начале семидесятых под его редакцией выходит учебник психологии для педучилищ, в котором он пишет главу о способностях. В самом начале перестройки он выпускает такой же учебник без соавторов. Таким образом, появляется возможность проследить, изменялись ли его взгляды.

Понятно, что как правильный член сообщества, Крутецкий относит способности к психологическим особенностям личности. Определение семидесятых вынесено в словарь терминов и звучит узнаваемо:

«Способности – индивидуально-психологические особенности человека, отвечающие требованиям данной деятельности и являющиеся условием успешного ее выполнения» (Крутецкий, 1974, с.298).

Я привожу это определение по второму изданию учебника, которое вышло в 1974 году. Если учесть, что какое-то время книга должна была находиться в издательстве, то Вадим Андреевич обладает поразительными способностями в данной деятельности. Дело в том, что всего за год до этого, в 1973 году была опубликована «Программа Коммунистической партии Советского Союза», поминавшая способности. И все эти упоминания уже в учебнике!

«В основе коммунистического общества, строительство которого успешно осуществляется в нашей стране, лежит принцип: «От каждого по способностям, каждому по потребностям». Программу Коммунистической партии Советского Союза провозгласила задачу всестороннего и гармонического развития личности советского человека, для которого труд по способностям станет жизненной потребностью.

«Коммунизм – это строй, где расцветают и полностью раскрываются способности и таланты, лучшие нравственные качества свободного человека» (т.ж.с.241).

С точки зрения академической психологии это суетливое движение члена сообщества не имеет значения, его просто надо стыдливо не заметить и перейти к главному, к науке о способностях. Но с точки зрения культурно-исторической психологии все подобные изгибы и прогибы в сторону власти очень важны, ведь они ярко показывают, что психологи были заняты не поиском истины, а старательно, по способностям служили заказчику.

Что значит, по способностям? В данном случае это с очевидностью означало: должен сделать все, что можешь. Как для победы. Может ли психолог исказить истину? Конечно. Значит, должен, если это потребуется. Требовалось ли? Пусть отвечают сами.

Но истина – это часть того рассуждения, которым творилась психология способностей. Точнее, ее искажение в виде политических реверансов. Могла ли остальная, условно, научная часть остаться незатронутой искажениями? Иначе говоря, приспособливая психологию способностей к потребностям государства, могли ли психологи при этом исходить из действительного понимания способностей, или точное рассуждение требовало быть последовательным и подгонять и само определение?

Я уже показывал, что отнесение способностей к принадлежностям личности, превращает их в орудие воспитания личности, то есть в средство выращивания винтиков. Безусловно, выращивание определенных, нужных для общества способностей, есть способ искусственного отбора. И хотя при этом речь все равно идет о способностях, но, стремясь быть точными, мы должны бы признать, что это не психология способностей, а психология личностных способностей. То есть частная научная или, точнее, педагогическая дисциплина.

И в ней все должно восприниматься с поправками: индивидуально-психологические особенности, отвечающие за успешность, – это не просто способности, а те способности, которые заказано развивать.

Однако это всего лишь критика способа рассуждать, что не означает, что рассуждение неверно по сути. Ведь само имя «способность» есть лишь языковой способ обозначать нечто в речи, то есть способ говорить. А поскольку я до сих пор не в силах вывести определение, у меня складывается подозрение, что ничего иного, кроме способа говорить о чем-то, за этим именем нет.

Иными словами, очень даже возможно, что слово «способность» есть лишь способ обозначить успешность человека в какой-то деятельности. И тогда становится очень верным утверждение:

«Способности не только проявляются, но и развиваются в соответствующей деятельности. Человек не рождается способным к той или иной деятельности, его способности формируются, складываются, развиваются в правильно организованной деятельности. Вне специальной деятельности не может быть развития способностей» (т.ж.с.243).

В таком случае речь идет вовсе не о какой-то способности, которая была у человека, а потом была раскрыта и развита им, а просто об успешности его в делах. Он взял и научился чему-то, и это его умение делать дело и есть способность. А Способность как некая данность его природы – миф, как говорят философы, гипостазирование понятия, то есть превращение в некую вещь того, что в действительности вещью не является и даже не существует, а всего лишь предположено для удобства речи...

Что-то не бьет, что-то сопротивляется во мне такому пониманию, хотя я почти убежден. Впрочем, я скорее утомлен и почти сломлен напором наших психологов и их убедительностью. Мне все труднее сопротивляться и отстаивать свою мечту о способностях, и я готов сдаться на милость победителей...

Ничего нового к парадигмальному учебнику 1962 года под редакцией главных психологов Союза Крутецкий добавить не смог. Разве что в его собственном учебнике 1986 года к

Программе КПСС добавилась еще и ссылка на Конституцию, которая тоже гарантировала нам гармоничное развитие способностей... то есть право принять участие в деятельности.

В 1973 году вышло второе издание «Общей психологии» Богословского, Ковалева, Степанова и Шабалина. Вероятно, именно этот учебник выказал отличия психологии развитого социализма ярче всех. Во-первых, авторы откровенно обозначили, что способности – не некий психологический предмет, а всего лишь способ говорить:

«Определение способностей. Когда говорят о способностях человека, то имеют в виду его возможности в той или иной деятельности. Эти возможности приводят как к замечательным успехам в овладении деятельностью, так и к высоким показателям труда» (Богословский, с.332).

Если уж переводить это высказывание в форму определения, то стоит несколько перефразировать его части: *способность – это возможность деятельности.*

Сами авторы этого, очевидно, не осознали, потому что приводят более сложный перевод:

«Таким образом, способность можно определить как синтез свойств человеческой личности, отвечающих требованиям деятельности и обеспечивающий высокие достижения в ней» (т.ж.).

Такое понимание совсем отказывает способностям в праве на самостоятельное существование, превращая их в способ говорить даже не о возможностях, а просто о личности. Что-то вроде: если личность хочет быть идейным строителем коммунизма, то у нее появляется способность, отвечающая требованиям деятельности. А если личность пошла по преступному пути, уклоняясь от честного труда, то никаких способностей у нее не остается. И даже непонятно, как тогда рождаются одаренные медвежатники и хакеры!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.